

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ»
(МГТУ ГА)

ИННОВАЦИИ В ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

Том 3, № 4, 2018

INNOVATIONS IN CIVIL AVIATION

Vol. 3, No. 4, 2018

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

Москва
2018

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ

- Главный редактор** – **Елисеев Б.П.**, заслуженный юрист РФ, профессор, д.т.н., д.юр.н., ректор МГТУ ГА, Москва, Россия.
- Зам. главного редактора** – **Гаранина О.Д.**, почетный работник науки и техники РФ, профессор, д.филол.н., профессор МГТУ ГА, Москва, Россия.
- Ответственный секретарь главной редакции** – **Манолова О.Н.**, чл.-корр. РАЕН, к.пс.н., ученый секретарь Ученого совета МГТУ ГА.
- Члены главной редакции** – **Анцупов А.Я.**, профессор, д.пс.н., профессор СГА, Москва, Россия;
– **Болотин И.С.**, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор, д.соц.н., заведующий кафедрой МАИ (национального исследовательского университета), Москва, Россия;
– **Горобец В.Д.**, профессор, д.юр.н., первый проректор МГТУ ГА, Москва, Россия;
– **Козлов А.И.**, заслуженный деятель науки и техники РФ, д.ф.-м.н., профессор МГТУ ГА, Москва, Россия;
– **Корягин Н.Д.**, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор, к.т.н., заведующий кафедрой МГТУ ГА, Москва, Россия;
– **Кочеткова Л.Н.**, профессор, д.филол.н., заведующая кафедрой ИИТУ МТУ, Москва, Россия;
– **Майорова-Щеглова С.Н.**, профессор, д.соц.н., профессор МГППУ, Москва, Россия;
– **Фридлянд А.А.**, профессор, д.э.н., директор научного центра ГосНИИ ГА, Москва, Россия;
– **Шеломенцев В.Н.**, профессор, д.юр.н., профессор ГУЗ, Москва, Россия.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

- Ответственный редактор выпуска** – **Корягин Н.Д.**, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор, к.т.н., заведующий кафедрой МГТУ ГА, Москва, Россия.

Сайт: <http://www.mstuca.ru/biblio/magazin.php>

E-mail: n.koryagin@mstuca.aero

Тел.: +7 (499) 459-07-50

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пархимович В.А. Летательные аппараты с атомным реактором	4
Бакланова И.С. К вопросу о роли чехословацкого корпуса и генерала Р. Гайды в антибольшевистской борьбе на востоке России (по литературе русского зарубежья)	17
Бакланова И.С. Литература русского зарубежья о деятельности атамана Г.М. Семенова в антибольшевистском движении	28
Карпова Л.И. Конструкторские идеи Э.Ч. Хуффэкера в авиации	39

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Мамедова Н.М. Культурное мифотворчество: реклама и массовая культура	46
Краснянский Д.Е. Специфика веб-медиа-текста	52
Дементьева А.Е. Гендерные роли в современном обществе: динамика изменений	60

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Неведомская Т.Д. Новая парадигма образования: путь к самоутверждению личности	66
--	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК: 629.76

ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ С АТОМНЫМ РЕАКТОРОМ

В.А. ПАРХИМОВИЧ

В статье рассмотрены тенденции развития самолето- и ракетостроения с использованием энергии атома в ядерной энергоустановке. В послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил о создании новых систем стратегического оружия, в том числе с использованием ядерной энергетической установки в качестве двигателя. Цель предложенной работы состоит в том, чтобы доказать, что возобновление работ в США и России по программам полетов к Луне и Марсу возродило интерес к ядерным установкам.

Автором описаны схемы соединения двигателей и реакторов. Показаны преимущества ядерной энергетической установки, которые выражаются в неограниченной дальности и длительности полета. Проанализированы результаты работ над созданием летательных аппаратов с ядерной энергетической установкой, которые активно ведутся в последние годы. Обосновано, что государства, которые пытаются создать ЛА с такой установкой, несут колоссальные интеллектуальные и материальные затраты.

Ключевые слова: атомная энергетика, двигатель, крылатая ракета, летательный аппарат, самолет, ядерная установка.

Работая над книгой «Авиация. История, события, факты», которая вышла в 2016 году, автор полагал, что рассказ о летательных аппаратах с использованием в качестве двигателя ядерной энергетической установки представляет нечто из раздела фантастики, пока не имеющей под собой реальных оснований. Но время расставило все по своим местам.

В Послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин особое место уделил новым военным разработкам [1]. Наряду с гиперзвуковыми ракетами и планерами он назвал и крылатую ракету с неограниченной дальностью полета, в которой использована компактная ядерная энергетическая установка. О такого рода российских разработках для военных целей в открытых источниках ранее не упоминалось. Подобные разработки велись в период обострения «холодной войны» в прошлом столетии.

Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил о создании систем стратегического оружия, представленных как ответ на строительство Соединенными Штатами системы противоракетной обороны.

В.В. Путин перечислил следующие виды вооружений:

- ракетный комплекс с тяжелой межконтинентальной ракетой «Сармат», у которой «практически нет» ограничений по дальности, «способен атаковать цели как через Северный, так и через Южный полюс»;
- крылатая ракета с компактной ядерной энергоустановкой;
- беспилотные подводные аппараты с межконтинентальной дальностью со скоростью, «кратно превышающей скорость самых современных торпед»;

- гиперзвуковой авиационно-ракетный комплекс «Кинжал»: высокоскоростной самолет доставляет ракету в точку сброса «за считанные минуты»; ракета, «превышающая скорость звука в десять раз», маневрирует на всех участках полета; дальность более двух тысяч километров, несет ядерные и обычные боезаряды; с 1 декабря состоит на опытно-боевом дежурстве в Южном военном округе;
- перспективный ракетный комплекс стратегического назначения с планирующим крылатым блоком «Авангард» – испытания успешно завершены, началось серийное производство;
- лазерное оружие.

Озвучено, что в новой ракете смонтирована ядерная энергетическая установка. Обычно этот термин подразумевает использование ядерного реактора в качестве источника энергии. В этом качестве он не является двигателем, а предоставляет энергию, например, для электродвигателей, отвечающих за движение. По этому принципу работают атомные подводные лодки – ядерный реактор питает электромоторы, которые вращают гребные винты. В этом случае реактор также является частью двигательной установки.

Можно предположить, что в новой ракете, если она реально была создана и испытана, реактор тоже является частью двигательной установки и ядерный ракетный двигатель будет представлять собой установку, использующую деление ядер для создания реактивной тяги.

Исходя из послания, испытания ракеты состоялись в конце прошлого года на полигоне на Новой Земле, который с 1954 по 1990 год использовался для проведения испытаний ядерного оружия. В конце 2017 года на Центральном полигоне Российской Федерации состоялся ее успешный пуск. По словам Президента, энергетическая установка ракеты сумела выйти на расчетную мощность и обеспечила расчетный уровень тяги, что позволяет ей практически неограниченное время находиться в воздухе.

Был показан короткий видеоролик, в котором продемонстрированы основные возможности ракеты. Из него следует, что крылатая ракета может лететь на предельно малой высоте в соответствии с ландшафтом и облетать зоны действия системы противовоздушной и противоракетной обороны противника. Других подробностей не приведено.

Есть некоторая неясность: говорится об установке ядерного двигателя на ракеты типа Х-101, но ракета эта воздушного базирования. На продемонстрированном видео запуск производится с земли.

Различные источники начали сообщать о реализации проекта ракеты с ядерной энергетической установкой. Эксперты поясняют, что российским инженерам удалось создать двигатель на «низкообогащенном уране», обладающий высоким КПД, и ядерный «выхлоп» в котором будет минимальным.

Эксперты по разоружению отмечают, что Россия и США и так обладают возможностями уничтожить друг друга. Они обеспокоены тем, что США могут

втянуться в эту новейшую гонку с Россией, которая при накопленном атомном арсенале в мире в общем-то бессмысленна.

Обратимся к истории.

В 1952 году в США взлетает легендарный В-52, через год – первый в мире сверхзвуковой тактический бомбардировщик А-5 Vigilante, а еще через три – сверхзвуковой стратегический ХВ-58 Hustler. СССР не отставал: одновременно с В-52 в воздух поднимается стратегический межконтинентальный бомбардировщик Ту-95, а 9 июля 1961 года мир шокирует показанный на авиапараде в Тушино гигантский сверхзвуковой бомбардировщик М-50.

Ядерный самолет был гораздо нужнее СССР, чем США. Планы ядерного удара по СССР были реальностью, а ответить было нечем. Создание такого самолета было жизненно необходимой задачей.

Действуя с десятков военно-воздушных баз в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке, самолеты США, даже обладая дальностью полета всего 5–10 тыс. км, могли достичь любой точки СССР и вернуться обратно. Советские же бомбардировщики вынуждены были взлетать с аэродромов на собственной территории, и для аналогичного рейда на США должны были преодолеть 15–20 тыс. км. Самолетов с такой дальностью в СССР не было.

Обратим внимание на то, что в 1950-х годах СССР успешно развивал атомную энергетику. Введена в эксплуатацию первая атомная электростанция, проектировались атомные ледоколы и подводные лодки [2].

Эйфория от успешных разработок атомного оружия и применения атомной энергии в электростанциях, на кораблях (советские ледоколы), подводных лодках послужила толчком для идеи – использовать ядерные реакторы на самолетах. В первую очередь на бомбардировщиках [3].

Преимущества ядерных двигателей были очевидны: неограниченная дальность и длительность полета при минимальном расходе топлива – несколько граммов урана на десятки часов полета. Руководитель атомного проекта в СССР И.В. Курчатов поставил вопрос о создании атомного самолета.

В середине XX века возобновилась и была популярна разработка ядерных энергетических установок как в США, так и в СССР.

Весной 1946 года между министерством ВВС и Комиссией по атомной энергии США было заключено соглашение о начале программы NEPA (Nuclear Energy Propulsion for Aircraft), целью которой стало исследование проблем, связанных с разработкой самолета с атомной силовой установкой (АСУ). По мнению заказчиков, самолет с АСУ мог использоваться в качестве стратегического бомбардировщика или разведчика, способного нести боевое дежурство в воздухе без дозаправки в течение нескольких суток.

Рис. 1. Самолет В-29

Полет самолета В-29 (рис. 1), в бомбоотсеке которого находилась капсула с радиом, позволил конструкторам сделать вывод, что реальная масса реактора и защиты будут велики. Они смогли выделить ключевые вопросы, такие как:

Как передавать тепло от реактора к двигателям?

Как охлаждать реактор в полете?

Как уберечь экипаж от влияния радиации?

Разработчики предположили, что до взлета предполагаемого самолета может пройти порядка 15 лет. При этом предлагались две принципиально отличающиеся друг от друга схемы соединения двигателей и реактора.

Первую схему называли *открытой*. Принцип ее работы заключался в том, что воздух, попадая в камеру сгорания, нагревался, непосредственно проходя через активную зону реактора. Такой способ был очень простым, требовал минимального количества конструкторских решений. В то же время, воздух, взаимодействуя с частицами атомного топлива, тоже становился радиоактивным и, выходя из СУ, загрязнял окружающую среду, а из этого следовало в лучшем случае, что экипаж не сможет дышать атмосферным воздухом.

Вторую схему называли *закрытой*. Она отличалась от открытой тем, что воздух нагревался не от самого реактора, а от теплообменника. Такая конструкция была довольно сложна в реализации, но зато выходящий из силовой установки воздух оставался абсолютно чистым, а значит, экипаж мог им дышать.

Следующим этапом стала программа под названием ANP, что в переводе означало «атомная сила самолета». Была поставлена задача создать действующий летательный аппарат, оснащенный ядерной силовой установкой. Предпочтение было отдано схеме соединения открытого цикла. Предполагалось разместить силовую атомную установку Р-1 на самолет YB-60.

Впоследствии была произведена попытка отработки компоновки и узлов на самолете В-58 Hustler (рис. 2). Convair В-58А Hustler стал первым в мире серийным сверхзвуковым дальним бомбардировщиком. Но размеры самолета не позволили разместить на его борту ни реактор, ни дополнительное оборудование.

Рис. 2. Самолет B-58 Hustler

В ходе проведенных исследований предпочтение было отдано самолету B-36 Peacemaker.

Рис. 3. Самолет-лаборатория Convair NB-36H

Самолет-лаборатория Convair NB-36H был создан для испытания атомных реакторов в полете (рис. 3).

В промежутке между 1946 и 1961 годом США потратили более 7 миллиардов долларов на разработку самолета с атомной силовой установкой. В процессе разработки должны были быть решены инженерно-конструкторские задачи:

- создание компактного и легкого ядерного реактора;
- создание легкой биологической защиты экипажа;
- создание «чистого» реактивного двигателя на атомной тяге;
- обеспечение безопасности атомолета в полете.

Впервые с установленным и действующим реактором самолет поднялся в воздух 17 сентября 1955 года.

Для испытания радиационной защиты на бомбардировщике В-36Н в бомбоотсеке установили реактор мощностью 1 МВт. Экипаж находился в защитной капсуле, но сам реактор не был окружен биологической защитой – не позволяли массогабаритные характеристики.

В период с 1958 по 1960 год США испытали ядерную энергетическую установку NTRE-3 мощностью 35 МВт, которая обеспечивала энергией два двигателя. До создания ядерного самолета оставалось совсем немного. Была отработана радиационная защита, на земле успешно испытали NTRE-3. Комплекс наземного обслуживания достраивался.

Но в 1961 году Д.Ф. Кеннеди, находясь под впечатлением успехов советской ракетно-космической программы, посчитал, что как стратегическое оружие бомбардировщик с ядерным реактором морально устарел, и закрыл программу.

Невзирая на это, конструкторы продолжили разработку, предложили различные варианты ядерных ракетных двигателей. Одни были пригодны для использования в космосе, а другие для полетов в атмосфере.

Для атмосферных летательных аппаратов в США, например, разрабатывали так называемые «дышащие» ядерные установки в рамках проекта Pluto. Двигатели планировались для сверхзвуковых маловысотных ракет. Были созданы два прототипа двигателя Torg-IIA и Torg-IIC. Тяга создавалась благодаря тому, что через воздухозаборник засасывался воздух, который проходил через зону реактора в зону нагрева с реакторными керамическими стержнями, разогревался до 1700 градусов по Цельсию и, расширившись, покидал ее через сопло. Предполагалось, что дальность ракеты будет в пределах 180 тыс. км. Однако в полете ракета с ядерным двигателем сильно загрязняла окружающую среду, нанося радиационный ущерб. В 1964 году проект был закрыт.

Что же в Советском Союзе? В 1955 году вышло Постановление СМ СССР о работах по созданию ядерной авиационной силовой установки. Планировалось создать полноценные боевые самолеты с ядерными силовыми установками (ЯСУ) различного класса и назначения. Работы по проектированию ЯСУ выполнялись в КБ Н.Д. Кузнецова и в КБ А.М. Люльки. Самолеты проектировались в КБ А.Н. Туполева и КБ И.М. Мяснищева. Работы по реактору выполнялись в Курчатовском институте под руководством А.П. Александрова. В КБ С.А. Лавочкина разрабатывался проект крылатой ракеты «Буря» с прямоточным ядерным двигателем [4].

В разработке были стратегические бомбардировщики-атомолеты М-60 и Ту-95ЛАЛ. Предполагалось, что атомолет будет взлетать на обычных двигателях, а затем включит ядерные. Перспективный атомный самолет (ПАС) М-60 разрабатывался под руководством Ю.Н. Труфанова. В 1956 году КБ закончило предварительный проект. В процессе разработки выяснилось, что дальность полета перестает играть решающую роль. Главным становятся высота и скорость. Был выбран турбореактивный двигатель на ядерном топливе «открытой» схемы. Масса кабины экипажа с защитой составила 30 % полетной массы. В связи с этим экипаж ограничили двумя членами.

В 1956 году специалисты СКБ-500 предложили два варианта атомных ТРД открытой схемы с равной тягой. Турбореактивный двигатель с атомным реактором (ТРДА) по конструкции напоминает обычный турбореактивный двигатель (ТРД). В ТРД тяга создается расширяющимися при сгорании керосина раскаленными газами, а в ТРДА воздух нагревается, проходя через реактор.

Рассматривалось два варианта компоновки ТРДА – коромысло, при котором вал компрессора располагался вне реактора, и соосный, где вал проходил по оси реактора. В первом варианте вал работал в щадящем режиме, во втором требовались специальные высокопрочные материалы. Но соосный вариант обеспечивал меньшие размеры двигателя. Поэтому одновременно прорабатывались варианты с обеими двигательными установками.

Первым в СССР самолетом с атомным двигателем должен был стать бомбардировщик М-60 (рис. 4), разрабатываемый на основе существующего М-50.

Рис. 4. Самолет М-60

В марте 1957 года эскизный проект был готов. Бомбардировщик М-60 позиционировался как носитель крылатых ракет.

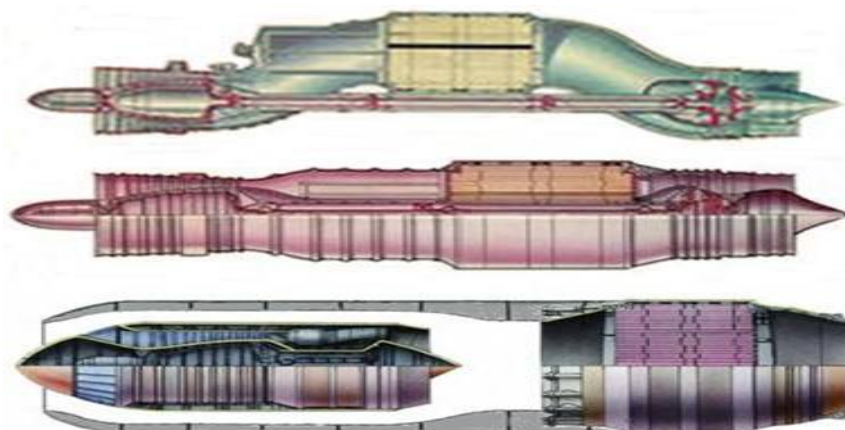

Рис. 5. Схемы атомных воздушно-ракетных двигателей

На рис. 5 изображены атомные воздушно-реактивные двигатели открытой схемы трех вариантов компоновки: коромысло, соосной и комбинированной.

В первом варианте кольцевая активная зона реактора располагалась на месте камеры сгорания обычного ТРД. Во втором варианте реактор был вынесен за пределы двигателя. Наиболее перспективной была комбинированная схема, в которой атомный реактор ставился в форсажной камере ТРД. Такой двигатель мог работать и как обычный ТРД, и как ТРД с атомным форсажем, и как атомный прямоточный.

Одновременно прорабатывались варианты беспилотного самолета многозвонного действия и сверхзвукового бомбардировщика малых высот. Проект ПАС М-60 стал первой в СССР попыткой применить атомные двигатели на летательном аппарате.

Самолет Ту-95ЛАЛ (рис. 6) с работающим ядерным реактором на борту в 1961 году совершил серию летных испытаний с работающим реактором. Изучалось управление реактором в полете и эффективность биологической защиты. Выполнялись полеты как с горячим, так и с холодным реактором. Испытания Ту-95ЛАЛ показали высокую эффективность примененной системы радиационной защиты, но при этом она была громоздка, имела большой вес и требовала дальнейшего совершенствования. А главной опасностью атомного самолета была признана возможность его аварии и заражения больших пространств ядерными компонентами [5].

Рис. 6. Экспериментальный атомолет Ту-95ЛАЛ

Дальнейшая судьба самолета Ту-95ЛАЛ похожа на судьбы многих других самолетов в Советском Союзе – он был уничтожен.

По результатам испытаний работы были продолжены в рамках экспериментального самолета – летающей лаборатории для натурных испытаний турбовинтовых двигателей с теплообменниками и ядерным реактором на борту Ту-119. Предполагалась большая длительность полета, ограниченная только возможностями экипажа.

По замыслу А.Н. Туполева, Ту-119 был призван играть переходную роль к самолету с четырьмя НК-14А, основным назначением которого было создание противолодочной обороны (ПЛО). Работу над самолетом намечалось начать во второй половине 1970-х. За основу планировали взять пассажирский Ту-114, в фюзеляж которого легко вписывались и реактор, и комплекс противолодочного вооружения. Программа предполагала проработку серии атомных сверхзвуковых тяжелых самолетов под единым обозначением «120» (Ту-120). Их планировали оснастить ядерными ТРД закрытого цикла разработки ОКБ Н.Д. Кузнецова [6].

Первым в этом ряду должен был стать дальний бомбардировщик, близкий по назначению к Ту-22. Самолет выполнялся по нормальной аэродинамической схеме и представлял собой высокоплан со стреловидными крылом и оперением, велосипедным шасси, реактором с двумя двигателями в хвостовой части фюзеляжа, на максимальном удалении от кабины экипажа. Вторым проектом был мало-высотный ударный самолет с низкорасположенным треугольным крылом. Третьим стал проект дальнего стратегического бомбардировщика.

Но туполевской программе, как и проектам В.М. Мясищева, не суждено было воплотиться в реальные конструкции.

Закрывание атомной тематики в ОКБ А.Н. Туполева вовсе не означало отказа от ядерной силовой установки как таковой. СССР отказался лишь от использования атомного самолета в качестве средства доставки оружия массового поражения непосредственно к цели. Эту задачу возложили на баллистические ракеты, в том числе базирующиеся на подводных лодках. Субмарины могли скрытно месяцами дежурить у берегов Америки и в любой момент нанести молниеносный удар с близкого расстояния. США предприняли меры, направленные на борьбу с советскими подводными ракетноносцами, и лучшим средством такой борьбы оказались специально созданные атакующие подводные лодки. В ответ решили организовать охоту на эти скрытные и подвижные корабли в районах, удаленных на тысячи миль от берегов России. Было признано, что наиболее эффективно с такой задачей мог бы справиться достаточно большой противолодочный самолет с неограниченной дальностью полета, обеспечить которую мог только атомный реактор.

Сверхдальний самолет ПЛО было решено создавать на базе самого большого самолета в мире тех лет Ан-22 «Антей».

В ОКБ О.К. Антонова на базе Ан-22 приступили к разработке сверхдальнего маловысотного самолета противолодочной обороны с ядерной силовой установкой. Она состояла из малогабаритного реактора с биозащитой, разработанного А.П. Александровым, распределительного узла, системы трубопроводов и специального ТВД конструкции Н.Д. Кузнецова. На взлете и посадке использовалось обычное топливо, а в полете работу силовых установок обеспечивал реактор. В Ан-22 можно было установить более тяжелую и надежную защиту от излучения, соединить реактор и двигатели НК-12 по отработанной на Ту-95 схеме. Противолодочный атомолет мог охотиться за американскими субмаринами до двух недель. Первоначально самолет был оборудован точечным источником нейтрон-

ного излучения и многослойной защитной перегородкой. Позже на самолете установили небольшой атомный реактор в свинцовой оболочке. В 1970 году АН-22 (рис. 7) с новым ядерным реактором совершил 23 полета.

Рис. 7. Самолет АН-22ПЛО

Реализацию проекта затормозил министр авиационной промышленности П.В. Дементьев.

Окончательная точка в проекте была поставлена в 1969 году. Практически законченная работа была не востребована и забыта. Но цель была достигнута.

Со спадом напряженности в США и СССР от работ по созданию ядерного двигателя отказались. Поводом для закрытия проектов стала их дороговизна и сложность защиты экипажа от излучения, а также тот факт, что в случае крушения самолета последствия были бы катастрофическими. Развитие получили более дешевые технологии: дозаправка в воздухе лишила проект преимущества неограниченного полета, баллистические ракеты большой дальности и высокой точности лишили смысла идею большого бомбардировщика.

Реализации проекта самолета с атомным реактором помешали в том числе конец холодной войны и распад Советского Союза. Повторился мотив, довольно часто встречающийся в истории отечественной авиации: как только все готово к решению задачи, исчезла сама задача.

А как же обстояли дела с разработкой ракет с ядерным двигателем?

В ОКБ-301 С.А. Лавочкина в середине 1950-х прорабатывалась возможность установки на межконтинентальной крылатой ракете «Буря» прямого ядерного двигателя (аналогично американскому проекту PLUTO). Место обычной камеры сгорания в этом двигателе занимал реактор, работавший по открытому циклу, – воздух протекал прямо сквозь активную зону. Разработка самой ракеты не была проблемой, но подвели двигателисты. ОКБ М.М. Бондарюка не справилось с созданием прямого ядерного двигателя. Несмотря на сравнительную простоту, проектирование не получило сколько-нибудь значительного развития, а смерть С.А. Лавочкина в июне 1960 года и вовсе поставила точку в этих работах. В 1960 году проект «Буря» был закрыт.

В СССР также рассматривались два варианта одноступенчатых баллистических ракет и два варианта ракет-носителей с ЯРД. Ядерно-химическая ракета ЯХР-2 была скомпонована по пакетной схеме по типу «семерки». Шесть «боковушек» первой ступени имели в общей сложности 36 ЖРД НК-9 Н.Д. Кузнецова тягой по 52 тонны. На центральной второй ступени устанавливался ядерный двигатель тягой 140–170 тонн. При стартовой массе 850–880 тонн ракета ЯХР-2 была бы способна выводить на низкую орбиту полезный груз массой 35–40 тонн. Двигатели всех блоков ЯХР-2 запускались на земле. При этом ЯРД выводился на холостой режим. Вывод на рабочий режим производился в полете за несколько секунд до отделения боковых ракетных блоков.

К началу 1980-х были достигнуты существенные успехи в разработке высокоэффективных жидкостных ракетных двигателей, что наряду с отказом от планов освоения Луны и других ближайших планет Солнечной системы поставило под вопрос целесообразность создания ЯРД. Возникшие экономические трудности и «Перестройка» привели к тому, что в 1988 году работы по ЯРД в СССР были прекращены.

В США исследования по проблеме создания ЯРД велись в Лос-Аламосской лаборатории с 1952 года. В 1957 году начались работы по программе «Ровер». В отличие от СССР, где велась поэтапная отработка ТВС и других узлов двигателя, в США пошли по пути создания и испытания сразу реактора целиком. Первый реактор был испытан 1 июля 1959 года на полигоне в штате Невада.

В США в 1958–1963 годах разрабатывался проект ракеты с импульсным ЯРД «Орион». Рассматривался вариант использования «Орион» как средства доставки ядерных зарядов к цели. Но вскоре от этой идеи отказались.

Главное отличие советских ЯРД от американских в том, что они были гетерогенными. В гомогенных (однородных) реакторах ядерное топливо и замедлитель смешаны. В отечественном ЯРД ядерное топливо было сосредоточено в ТВЭЛах (отдельно от замедлителя) и заключено в защитную оболочку. Замедлитель работал при меньших температурах, чем в американских реакторах. Это позволило отказаться от графита и использовать в качестве замедлителя гидрид циркония.

Возникает вопрос о том, как отнестись к тем колоссальным интеллектуальным и материальным затратам, которые понесли СССР и США, десятилетиями пытаясь создать атомный самолет? Вроде бы все впустую, но не совсем так. Конструкторы выполнили работу, зная, что сами никогда не воспользуются ее результатами, что эти результаты могут оказаться востребованными лишь в отдаленном будущем. Может быть, человечество вновь поставит перед собой задачу постройки летательного аппарата на ядерной энергии. И тогда будущие конструкторы смогут опереться на результаты труда наших современников. Ответ дал Президент Российской Федерации в Послании Федеральному собранию.

Крылатая ракета с ядерной энергетической установкой, о которой в послании рассказал В.В. Путин, подтвердила, что работы над созданием атмосферного

ядерного двигателя тайно велись на протяжении нескольких последних лет. Возможно, основой для них послужили наработки А.М. Люльки, полученные в рамках проекта атомолета М-60.

В любом случае возникает вопрос, как конструкторам удалось создать компактный реактор, уместившийся в корпусе крылатой ракеты Х-101. Если это удалось сделать (современные материалы теоретически позволяют создавать очень компактные реакторы), то удалось ли решить проблему радиационного загрязнения атмосферы при полете ракеты? Ответа на этот вопрос пока нет.

В настоящее время только США и Россия имеют опыт разработки и постройки твердофазных ЯРД, и в случае необходимости они смогут создать такие двигатели за короткое время.

Возобновление работ по программам полетов к Луне и Марсу возродило интерес к твердофазным ядерным ракетным двигателям. Использование ЯРД существенно расширяет границы изучения Солнечной системы, сокращает время, необходимое для достижения дальних планет.

В опубликованном в феврале 2018 года обзоре ядерной политики США записано: «В дополнение к модернизации советских ядерных систем, Россия разрабатывает и вводит в действие новые ядерные боеголовки и средства запуска... Россия также разрабатывает по меньшей мере две новые межконтинентальные системы, гиперзвуковой планер (hypersonic glide vehicle), новую межконтинентальную, ядерную и с ядерным двигателем подводную автономную торпеду».

Упомянуты три типа из шести перечисленных В.В. Путиным вооружений. Лазерное оружие не является стратегическим и не вызывает особых дискуссий. Подводная торпеда – проект «Статус-6». Сюрпризом могла быть только крылатая ракета с ядерным двигателем. И именно эта ракета стала предметом наибольшего обсуждения.

Потенциальные противники осознают невозможность получения преимущества за счет ограниченной ядерной эскалации, что снижает вероятность применения ядерного оружия.

ЛИТЕРАТУРА

1. История советского атомного проекта. Документы, воспоминания и исследования. Выпуск 1. М.: Янус-К, 1998. 392 с.
2. **Коротеев А.С., Конюхов Г.В., Демянко Ю.Г.** Ядерные ракетные двигатели. М.: Норма-Информ, 2001. 415 с.
3. **Александров Н.** История атомного самолета в кратком изложении [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://engine.aviaport.ru/issues/30/page22.html> (дата обращения: 09.08.2018).
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 24.09.2018).
5. **Ригмант В.** Ту-95 // *Авиация и космонавтика*. 2001. № 2. С. 23–29.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пархимович Виктор Антонович, доктор технических наук, действительный член Академии социального образования, почетный доктор Академии инженерных наук, лауреат премии Совета Министров СССР. E-mail: vparkhimovich@gmail.com.

AIRCRAFT WITH A NUCLEAR REACTOR

Parkhimovich V.A.

This article deals with the development trends of aircraft and rocket production using atomic energy in a nuclear power plant. In the message to the Federal Assembly, the President of the Russian Federation V.V. Putin announced the creation of a new strategic weapon system, including use of a nuclear power plant as an engine. The purpose of the proposed work is to prove that the resumption of developments by the United States and Russia on the flight missions to the Moon and Mars have revived interest in nuclear installations.

The proposed work describes the connection scheme of engines and reactors. The advantages of a nuclear power plant, which are expressed in unlimited range and flight duration, are shown. The work results on the aircraft development with a nuclear power plant, which have actively been carried out in recent years, are analyzed. States trying to create an aircraft with such an installation incur colossal intellectual and material costs.

Key words: nuclear power, engine, cruise missile, aircraft, nuclear installation.

REFERENCES

1. Istoriya sovetskogo atomnogo proekta. Dokumenty, vospominaniya i issledovaniya. Vypusk 1. M.: Yanus-K, 1998. 392 s. (In Russ.).
2. **Koroteev A.S., Konyuhov G.V., Demyanko Yu.G.** Yadernye raketnye dvigateli. M.: Norma-Inform, 2001. 415 s. (In Russ.).
3. **Aleksandrov N.** Istoriya atomnogo samoleta v kratkom izlozhenii [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://engine.aviaport.ru/issues/30/page22.html> (data obrascheniya: 09.08.2018). (In Russ.).
4. Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (data obrascheniya: 24.09.2018). (In Russ.).
5. **Rigmant V.** *Tu-95* // Aviatsiya i kosmonavtika. 2001. № 2. S. 23–29. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Parkhimovich Victor Antonovich, Doctor of Technical Sciences, Academician of the Academy of Social Education, Honorary Doctor of the Engineering Academy, Prize Winner of the USSR Council of Ministers. E-mail: vparkhimovich@gmail.com.

УДК 930.2

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА И ГЕНЕРАЛА Р. ГАЙДЫ В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ БОРЬБЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ (ПО ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ)

И.С. БАКЛАНОВА

В статье рассматриваются точки зрения эмигрантских авторов относительно роли Чехословацкого корпуса и лично генерал-лейтенанта Р. Гайды в истории антибольшевистского движения на востоке России. Особое внимание уделяется анализу военно-политической деятельности корпуса, стратегическим взглядам генерала Р. Гайды, проявлениям в его действиях так называемой «атаманщины». При этом рассматриваются мнения таких авторов, как историки С.П. Мельгунов, П.Н. Милюков, генералы Н.Н. Головин, А.П. фон Будберг, Д.В. Филатьев, полковник А.А. Зайцов и др.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Гражданская война в России, Чехословацкий корпус, генерал Р. Гайда, участие в антибольшевистском движении.

Доминирующим мнением в обширной историографии Гражданской войны, в том числе и в литературе русской эмиграции, является точка зрения о том, что исход братоубийственного конфликта начала XX века зависел от ряда факторов. В частности, известный отечественный историк, лидер конституционно-демократической партии П.Н. Милюков в ряду основных причин поражения антибольшевистского движения назвал недостаточную поддержку со стороны союзников по Антанте именно в тот период, когда советская власть еще не была готова «к вооруженной борьбе» [1, с. 5]. Да и в дальнейшем без их помощи, как указывается в работах эмигрантских авторов, белые находились бы на грани «неминуемой гибели» [2, с. 23]. (Заметим в скобках, что в новейшей отечественной исследовательской литературе имеют место работы, посвященные рассмотрению отдельных аспектов взаимоотношений руководства Белого дела с государствами – союзниками по Антанте, в том числе и принадлежащие перу автора данной статьи (см., например: [3, с. 163–170]).)

Чехословацкий корпус, сформированный на территории России в бытность Временного правительства из военнослужащих Австро-Венгерской армии и признанный в начале 1918 года частью вооруженных сил Франции, представлял собой достаточно неплохо организованную силу и, соответственно, имел немалое военно-политическое влияние в Восточном анклаве антибольшевистского движения. (Как писал депутат I, III, IV Государственной думы, участник Белого движения, «первопоходник» князь Н.Н. Львов, чехи были «прекрасно» снабжены и вооружены «на русские деньги» [4, с. 7].) Кроме того, часть выходцев из указанного воинского формирования занимали видные посты в Белом командовании. Пожалуй, самым известным из них был генерал-лейтенант Р. Гайда, являвшийся командующим одной из трех армий, составлявших «белый» Восточный фронт – Си-

бирской. В данной связи в литературе русского зарубежья нашли свое отражение вопросы о той роли, которую, по мнению представителей Белого движения, должен был сыграть Чехословацкий корпус в противостоянии с красными, и точки зрения на тему – почему эти ожидания в полной мере не осуществились. Эмигрантские авторы высказались также и по поводу оценки деятельности Р. Гайды в антибольшевистском движении. При этом анализ литературы русского зарубежья, в том числе и по указанной проблематике, позволяет лучше понять некоторые аспекты процессов, происходивших в годы Гражданской войны, посмотрев на ситуацию как бы со стороны Белого лагеря. Ибо, как справедливо утверждается в современной отечественной историографии, работы эмигрантских авторов имеют «высокий потенциал» для научных изысканий (см., например: [5, с. 139]).

Приход Чехословацкого корпуса в антибольшевистский лагерь хорошо известен и, естественно, отражен в исторической (включая и учебную) литературе. Советское правительство изначально разрешило руководству корпуса вывезти своих военнослужащих из России через Дальний Восток. Их эшелоны растянулись практически от Пензы до Владивостока. На взгляд П.Н. Милюкова, в дальнейшем развитии ситуации по неблагоприятному для красных варианту были виноваты сами советские властные круги, не просчитавшие последствия некоторых решений, неприемлемых для «чехословаков». В частности, по данным указанного выше автора, приказ председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого от 23 мая 1918 года предусматривал разоружение и расформирование всех чешских эшелонов «от Пензы до Иркутска», преобразовав их в «части красной армии и рабочие артели». Дополнительно в приказе от 25 мая прописывались меры наказания за невыполнение предыдущих решений: любой вооруженный военнослужащий расстреливался на месте, а эшелон, в котором он находился, перебазировался «в лагерь военнопленных». Данные меры, как писал П.Н. Милюков, «переполнили чашу». Чехословацкий корпус открыто выступил против советской власти [1, с. 28].

Мятеж Чехословацкого корпуса, как отмечалось в работах эмигрантских авторов, в том числе и представлявших различные политические направления, явился одним из поворотных моментов в истории Гражданской войны. Так, например, по мнению эсера, подполковника Б. Солодовникова, указанное событие «положило основание русскому антибольшевистскому движению на Волге и Сибири» [6, с. 3]. (Однако заметим, что на взгляд ученого-юриста, политического деятеля, члена правительства А.В. Колчака Г.К. Гинса, выступление чехов имело и негативные последствия, т. к. привело к «преждевременным» активным действиям против красных. Ибо ни крестьяне, ни рабочие к моменту мятежа еще не прониклись «враждебным к большевизму настроением» [7, с. 63, 60].) Представляются интересными и высказывания П.Н. Милюкова, описавшего суть механизма воздействия Чехословацкого корпуса на процесс формирования антибольшевистского движения: благодаря «правильно» организованной и дисциплинированной чехословацкой армии в короткие сроки удалось перейти от «русского хаоса» и

«беспорядочных авантюр» «к правильной вооруженной борьбе при участии союзников» [1, с. 24]. При этом, как констатировал Г.К. Гинс, в действиях чехов не было «ничего героического». Они не ориентировались ни на демократию, ни на реакцию. Мятеж был вынужденным. Руководствовались командование и военнослужащие корпуса лишь «инстинктом самосохранения» [8, с. 518]. (Тем не менее в литературе русского зарубежья отмечаются и политические пристрастия руководства и военнослужащих корпуса. В частности, П.Н. Милюков в своей работе привел содержание письма председателя Чехословацкого национального совета – верховного органа чехословацких вооруженных формирований – профессора Томоша Масарика, в котором последний объяснял причины отказа генералу от инфантерии М.В. Алексееву в поддержке зарождавшегося Белого дела. Кроме зависимости в передвижениях от советского правительства, Т. Масарик неодобрительно отозвался и о «слишком консервативном направлении» антибольшевистского движения. Профессор считал, что оно должно быть по своему характеру республиканским и «вестись в союзе с социалистами» [1, с. 25]. О поддержке эсеров со стороны Чехословацкого корпуса во время Гражданской войны писали также и другие эмигрантские авторы (см., например: [9, с. 130] и др.).)

Судя по некоторым данным, содержащимся в литературе русского зарубежья, представители Белого движения ожидали от чехов многого. Во всяком случае, князь Н.Н. Львов считал, что корпус должен был, исходя хотя бы из чувства братской, славянской солидарности, «сыграть решающую роль в свержении большевиков» [4, с. 7]. Тем не менее чехи, как показал ход событий, не стремились активно встраиваться в антибольшевистское движение и решать российские проблемы. Эмигрантские авторы, в частности Г.К. Гинс, данную ситуацию объяснили тем, что определяющим мотивом действий Чехословацкого корпуса было стремление вернуться домой [8, с. 523]. В данной связи чехи прежде всего установили контроль над всей Сибирской железнодорожной магистралью (уже к середине июня 1918 года) (см., например: [10, с. 121]) и упорно отказывались выполнять распоряжения даже созданных при их содействии антибольшевистских правительств, признавая только приказы французских военных властей (см., например: [9, с. 116]). Что же касается решений союзного командования, то оно, как отметили некоторые эмигрантские авторы, руководствовалось исключительно своими прагматическими интересами, стремясь помешать переброске германских воинских частей во Францию, захвату складов снабжения в русских портах Ледовитого и Тихого океанов и задержать на территории России максимально возможное количество германских военнопленных [10, с. 146]. Кроме того, союзники не оставили и замыслов относительно воссоздания русско-германского фронта. Поэтому чехословацкие эшелоны, находившиеся в Восточной Сибири, по приказу из Парижа были развернуты на Запад. Причем Г.К. Гинс допустил, что одним из «побуждений» чехов на данном этапе было стремление «спасти Россию». Поэтому, по оценке указанного автора, во время своего продвижения к Уралу они являли собой «образец доблести и дисциплины» [8, с. 518–519]. (Одна-

ко, на взгляд генерала Н.Н. Головина, всеми действиями командования корпуса руководило исключительно желание «пробить себе путь для ухода из России». Даже «поворот их эшелонов с востока на запад», последовавший после приказа из Парижа, как считал данный автор, объяснялся лишь переменой места эвакуации: вместо Владивостока – Архангельск) [9, с. 76].

По данным генерал-лейтенанта Н.Н. Головина, Сибирское правительство в указанный период активно стремилось привлечь подошедшие из Восточной Сибири воинские формирования Чехословацкого корпуса «к более деятельному участию в борьбе на Волжском фронте». С данной целью начальнику чешских эшелонов – Р. Гайде – были подчинены и русские войска. Именно таким образом этот деятель стал активно напрямую сотрудничать с русскими антибольшевистскими властями [9, с. 114–115].

В литературе русского зарубежья приводятся неоднозначные характеристики Р. Гайды. Часть эмигрантских авторов склонны подчеркивать непрофессионализм генерал-лейтенанта русской армии, указывая на отсутствие специального военного образования: в начале Первой мировой войны Р. Гайда служил в Австро-Венгерской армии фельдшером (см., например: [9, с. 115; 11, с. 235] и др.). Подполковник Б. Солодовников, контактировавший с указанным деятелем во время подготовки антиколчаковского заговора, дал также и невысокую оценку личных качеств Р. Гайды. Видимо, морально готовясь к первой встрече с генералом, Б. Солодовников, как он сам писал, представлял себе волевого, ловкого, умного политика, «усвоившего, хотя бы с внешней стороны, демократические завоевания времени». В действительности Р. Гайда, по наблюдениям указанного автора, оказался человеком напыщенным, недалеким, страстно мечтавшим о верховном командовании и лаврах («диктатор, но без шансов на диктатуру»), который, абсолютно не сообразуясь с военным временем и окружающими обстоятельствами, необыкновенно роскошно обставил условия своего существования. Б. Солодовников почти сразу сделал однозначный вывод: Р. Гайда «слабо» разбирался в российской действительности. Им руководила «группа эсеров», которая и определяла все основные политические шаги генерал-лейтенанта [6, с. 29, 30, 43]. Однако, имея в виду карьерный взлет Р. Гайды в годы Первой мировой войны, представляется, что вряд ли все успехи человека, прошедшего путь от фельдшера до генерала и командующего армией, можно списать лишь на внешнее влияние. В данной связи характеристика, данная Р. Гайде Г.К. Гинсом, возможно, более соответствовала действительности. Последний также отметил карьеризм и «необузданное честолюбие» чеха. Ибо все его поступки свидетельствовали о стремлении сделаться «начальником всех военных сил». В то же время, на взгляд указанного автора, Р. Гайда – «незаядлая личность», обладавшая «изумительными» энергией и политическим чутьем. К тому же генерал мог найти «общий язык» с представителями различных общественных сил. Поэтому, по мнению указанного автора, Р. Гайда пользовался «широкой популярностью» [8, с. 524]. В то же время для «лучшего военного аналитика русской эмиграции» [12, с. 159] генерала Н.Н. Головина и по истечении более

десять лет со времени завершения Гражданской войны упомянутый деятель продолжал оставаться лишь «типичным авантюристом» [9, с. 115].

Включившись в антибольшевистскую вооруженную борьбу, большая часть «чехословаков» оказалась в составе Северной армейской группы, наступавшей из района Екатеринбурга на Пермском направлении. Именно в это время, по мнению генерала Н.Н. Головина, военачальник Р. Гайда допустил «крупнейшую» стратегическую ошибку, которая заключалась в удалении военных действий от Сарапульского направления. Только продвижение по указанному пути давало возможность помочь восставшим против большевиков ижевским и воткинским рабочим и соседствующим с ними вятским крестьянам. Причем, по мнению генерала Н.Н. Головина, данная поддержка была необходима для укрепления самого антибольшевистского движения. Ибо, во-первых, фронт получил бы «те народные массы», которые «неохотно» шли на сближение с выступившей против красных интеллигенцией. К тому же это были стойкие борцы, по выражению указанного автора, «полные ненависти к большевикам». Как показал опыт Гражданской войны, «воткинские и ижевские дивизии остались непобедимыми» на протяжении всего военного противостояния. Во-вторых, не дав подавить рабочее восстание, генерал Р. Гайда не отдал бы в руки большевиков «третий и последний по счету оружейный завод» [9, с. 116, 121–123].

В литературе русского зарубежья отмечается, что военное воодушевление чехов, вызванное приказом французского командования о развороте на запад, быстро пошло на спад. По данным Г.К. Гинса, вслед за созданием Директории, уже в октябре 1918 года, воинские формирования, входившие в корпус, стали уходить с фронта. В ноябре их осталось немного. Что же касается получения известия о капитуляции Германии, то с этого момента, как писал Г.К. Гинс, лозунг «Домой» стал самым популярным среди чехов [8, с. 522]. В данной связи генерал-лейтенант Д.В. Филатьев уточнил, что ко времени прихода к власти в Сибири адмирала А.В. Колчака (18 ноября 1918 года) ни одного бойца из состава корпуса на антибольшевистском фронте уже не было [13, с. 71]. Однако вооруженные формирования чехов и в дальнейшем продолжали дислоцироваться вдоль Сибирской магистрали и в главных городах региона (см., например: [9, с. 129]). Именно они, по мнению полковника А.А. Зайцова, обеспечивали столь необходимую Восточному фронту связь с Сибирью и Тихим океаном. Главной же причиной потери позиций, завоеванных при помощи чехов летом 1918 года, на взгляд указанного автора, стало неумение командования фронта использовать возможности, полученные «в минуту полной дезорганизации и растерянности красных» [10, с. 191, 265]. (Тем не менее заметим в скобках, что, например, генерал Д.В. Филатьев не очень лестно отзывался о деятельности чехов по охране железной дороги. По данным указанного автора, военнослужащие корпуса старались не покидать теплушек, не показывали и стремления «выступать против вооруженных большевиками партизан», зато не отказывались от участия в карательных акциях, жестоко расправляясь с местным населением [13, с. 71].)

Для эмигрантских авторов не являлась секретом та роль, которую сыграло командование Чехословацкого корпуса при создании Директории. В частности, генерал Д.В. Филатьев писал, что во время формирования состава нового властного органа именно чехи оказывали «сильное давление», угрожая даже уходом с фронта в случае, если не будут приняты поддержанные ими решения [13, с. 26]. Тем не менее 18 ноября ни командование корпуса, ни лично генерал Р. Гайда, который, по мнению подполковника Б. Солодовникова, мог не допустить «омского переворота» [6, с. 30], открыто не выступили против адмирала А.В. Колчака. По данным генерала Н.Н. Головина, уже 19 ноября командующий Чехословацким корпусом генерал Ян Сыровой отдал приказ о нейтралитете по отношению к смене власти. Данный феномен названный выше автор объяснил прежде всего влиянием английского командования. К указанному времени в Омск уже пришел батальон полковника Уорда, и защитников Директории, по выражению генерала Н.Н. Головина, ждали «британские пулеметы». Тем не менее «настоящая» причина нейтралитета чехов по отношению к русским делам находилась, на взгляд генерала, «гораздо глубже» и заключалась в стремлении найти веские объяснения для союзного командования своему нежеланию «драться», уходу с фронта и, соответственно, необходимости эвакуации корпуса на родину. В данной связи омский переворот характеризовался как «результат заговора кучки черных реакционеров», стремившихся восстановить старый режим [14, с. 67–68, 80–81].

Произошедшая в ноябре 1918 года смена власти в Сибири не привела к ухудшению положения в антибольшевистском лагере ни Чехословацкого корпуса, ни генерала Р. Гайды. Первый, при поддержке французского командования, продолжал являться серьезной силой, с которой А.В. Колчак вынужден был считаться. В то же время Р. Гайда даже укрепил свое влияние, встав во главе Сибирской армии. Ибо, как писал генерал-лейтенант К.В. Сахаров, в результате реформы, проведенной в антибольшевистских вооруженных силах, командующие всех трех составлявших белый Восточный фронт армий получили права «почти равные правам Главнокомандующего», в частности по формированию новых частей и материальному обеспечению. Причины же, по которым «этот иностранец», «рассорившийся» со своими братьями и поступивший на русскую службу, смог занять столь высокую должность, как указывал генерал К.В. Сахаров, так и остались до конца невыясненными. Названный автор предположил то, что назначение Р. Гайды стало своеобразной благодарностью за оказанную адмиралу А.В. Колчаку в сложное для него время вхождения во власть поддержку и преданность [15, с. 50, 49]. (Отметим, что вопросы взаимоотношений Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего с подчиненными и соратниками по антибольшевистской борьбе анализируются не только в трудах эмигрантских авторов, но и в ряде историографических работ, вышедших в последние годы (см., например: [16]).)

В литературе русского зарубежья указывается на то, что основным вопросом вооруженной борьбы с красными после проведения военной реформы стала

проблема выбора главного операционного направления весеннего наступления 1919 года. В данной связи ряд генералов Императорской армии, имевших серьезный послужной список, таких как, например, барон А.П. фон Будберг, Д.В. Филатьев и др., обосновали наибольшую целесообразность наступления на Самару и южнее с тем, чтобы, соединившись с Донской и Добровольческой армиями, совместно продвигаться к Москве (см., например: [17, с. 67]). В то же время генерал Р. Гайда отстаивал необходимость перенесения главного удара на север – в направлении Вятки – Архангельска. Это, по мнению командующего Сибирской армией, давало возможность улучшить снабжение белых вооруженных формирований благодаря английской базе в Архангельске и затем «брать» Москву с севера [8, с. 194]. Однако генерал Д.В. Филатьев в позиции Р. Гайды увидел лишь проявление «безудержного честолюбия»: стремление прославиться на родине как спаситель Чехословацкого корпуса, вывезший соотечественников через Архангельск, а там, может быть, и как спаситель русского народа, покончивший с большевистской властью в Москве [13, с. 76].

Генерал Д.В. Филатьев считал, что на практике во время весенней кампании был реализован третий, «провальный» вариант – одновременное наступление на Вятку и Самару при переносе центра тяжести на север (см., например: [17, с. 67]). Причем последствия принятого решения не заставили себя долго ждать. Между Сибирской и Западной армиями, которые генерал А.П. фон Будберг сравнил с двумя лошадьми в упряжке, одна из которых «пытается назад», а другая «прет вперед», образовался зазор [11, с. 247]. По нему и ударила Красная армия. На сложившуюся ситуацию немедленно отреагировал генерал Р. Гайда. Он выставил ультиматум о смещении с поста начальника штаба Ставки Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенанта Д.А. Лебедева и назначения себя на данную должность. В конечном итоге все разрешилось. В указанное время никто своих должностей не потерял (см., например: [13, с. 78, 79]). Р. Гайда был смещен с поста командующего Сибирской армией летом 1919 года.

В литературе русского зарубежья имя генерала Р. Гайды упоминается и в связи с еще одним явлением, о котором часть эмигрантских авторов высказывалась исключительно негативно, – это так называемая «атаманщина». На взгляд Г.К. Гинса, она характеризовалась, в частности, появлением «местных царьков», «мало считающихся» с центральной властью [8, с. 315, 312]. В годы Гражданской войны, по мнению указанного автора, «атаманщина» в восточном анклав Белого движения «царила» повсеместно – как в тылу, так и на фронте. Г.К. Гинс даже привел примеры на данную тему из армейской жизни: если генерал Р. Гайда владел «крупными запасами снабжения», то он абсолютно точно не делился ими с соседней по фронту армией генерала от артиллерии М.В. Ханжина [8, с. 282]. Аналогичные воспоминания оставил и барон А.П. фон Будберг: командующие армиями не желали «самообуздываться и обуздывать подчиненных». В случае с Р. Гайдой это означало, в частности, то, что после захвата единственной в Сибири суконной фабрики и обозных мастерских, Западная армия не получила «ни одной

шинели, ни одной повозки или походной кухни». Последняя же не делилась с Сибирской армией «фуражом и гречневой крупой» [11, с. 237]. Р. Гайда, судя по данным эмигрантских авторов, не ограничивал себя и в удовлетворении собственных желаний. Так, например, нарядив конвой в императорскую конвойную форму, он потратил свыше трех миллионов казенных рублей [11, с. 237]. Лично командующему Сибирской армии принадлежали пять вагонов. Прежде всего это салон-вагон, убранный «старинными вещами и шкурами, вывезенными из Сибири». Здесь же размещался «прекрасный рояль». Интересы Р. Гайды обслуживали также вагон-гараж, два конских с верховыми конями и «вагон художественных портретов», в котором находился парадный портрет самого командующего Сибирской армией. Б. Солодовников, описывавший данное живописное «чудо», не поскупился на краски. Р. Гайда был изображен в натуральную величину «в русской генеральской форме», с золотым оружием и с орденом за участие в Гражданской войне, сидящим на вороном коне [6, с. 29, 32].

Однако стремление получить как можно больше материальных благ за счет России, как показывает анализ литературы русского зарубежья, было характерно не только для генерала Р. Гайды, но и для Чехословацкого корпуса в целом. Во всяком случае, Г.К. Гинс, повествуя о том коротком периоде конца октября – начала ноября 1918 года, когда чехи были готовы рассмотреть предложение о совместных действиях с антибольшевистскими войсками, направленными на соединение с Добровольческой армией, перечислил предъявленные местным властям многочисленные требования командования корпуса. Они, в частности, включали: выплату жалования золотом, обеспечение всех перевозок чешских военнослужащих за счет русского правительства, разрешение чехам приобретать земли в Сибири и т. д. [8, с. 529]. Причем названное выше стремление поправить свое материальное положение, судя по всему, в определенной степени реализовалось. Ибо, по утверждению, в частности, генерала А.П. фон Будберга, около шестисот товарных вагонов, входивших в эшелоны корпуса (цитируемые ниже записи указанного автора сделаны в июле 1919 года), были заполнены «машинами, станками, ценными металлами, картинами, разной ценной мебелью и утварью и прочим добром, собранном на Урале и в Сибири» [11, с. 289]. Что же касается генерала Р. Гайды, то подполковник Б. Солодовников утверждал, что указанный деятель, вернувшись на родину, оказался весьма состоятельным человеком [18, с. 29].

В задачи автора данной статьи не входит рассмотрение обстоятельств гибели адмирала А.В. Колчака. Тем не менее представляется необходимым привести мнение генерала Д.В. Филатьева, касающееся роли Чехословацкого корпуса в истории антибольшевистского движения на Востоке России: «Ими (чехами. – И.Б.) был заложен первый камень независимости Сибири от большевиков, и они же вбили последний гвоздь в гробовую крышку адмирала Колчака и всего Белого движения в Сибири» [13, с. 66].

Таким образом, можно отметить, что в литературе русского зарубежья имеют место серьезные наработки по проблематике заявленной темы, как в концепту-

альном, так и в фактологическом плане. При этом продолжение исследовательской работы видится не только в углубленном анализе (даже источниковедческом) работ эмигрантских авторов, сопоставлении полученных данных с положениями трудов отечественных и зарубежных авторов, но и в расширении источниковой базы. Ибо точка зрения генерала Д.В. Филатьева о необходимости использования материалов, содержащихся в зарубежных, прежде всего чешских архивах [13, с. 5], представляется не потерявшей своей актуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бакланова И.С.** «Чудовищные ошибки по руководству армией». Литература русского зарубежья о стратегии А.В. Колчака в 1919 году // Военно-исторический журнал. 2012. № 6. С. 66–70.
2. **Бакланова И.С.** Литература русского зарубежья об оценке деятельности адмирала А.В. Колчака в Белом движении // Инновации в гражданской авиации. Электронный журнал Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2017. Т. 2, № 4.
3. **Бакланова И.С.** Осмысление русской эмиграцией исторического опыта гражданской войны // Вопросы истории. 2011. № 7. С. 163–170.
4. **Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.** Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М.: Русский Мир, 1998. 320 с.
5. **Будберг А.** Дневник // Архив Русской Революции. Т. XIV. Берлин, 1924. С. 225–341.
6. **Гинс Г.К.** Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства). Т. II. Пекин: Типо-литография Русской Духовной Миссии, 1921. 606 с.: ил.
7. **Гинс Г.К.** Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства). Т. I. Пекин: Типо-литография Русской Духовной Миссии, 1921. 325 с.: ил.
8. **Головин Н.Н.** Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 4. Кн. 8. Освобождение Сибири и образование «Белого» военного фронта Гражданской войны. [Париж, 1937]. 154 с., [1] л.к.
9. **Головин Н.Н.** Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 4. Кн. 9. Освобождение Сибири и образование «Белого» военного фронта Гражданской войны. [Париж, 1937]. 112 с.
10. **Зайцов А.А.** 1918 год: Очерки по истории Русской гражданской войны. Б.М., 1934. 275, [5] с.: табл.
11. **Львов Н.Н.** Белое движение. Белград: Русская типография, Космайска, 20, 1924. 15 с.
12. **Мельгунов С.П.** Российская контрреволюция. (Методы и выводы ген. Головина). Доклад в академическом союзе 17 июня 1938 г. Париж, 1938. 24 с.
13. **Милюков П.** Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Т. II. Париж, 1927. 281 с. [2] л. карт.
14. **Сахаров К.** Белая Сибирь: Внутренняя война, 1918–1920. Мюнхен, 1923. 324 с.
15. **Солодовников Б.** Наш счет. М.; Берлин: Русский книжный магазин в Берлине, [19-]. 31 с.
16. **Солодовников Б.** Сибирские авантюры и генерал Гайда. Прага: изд. Авт., [193-]. 91 с.
17. **Филатьев Д.В.** Катастрофа белого движения в Сибири 1918–1922. Впечатления очевидца. Paris: YMCA-PRESS, 1985. 142 с., 1 л. портр.
18. **Чернов В.** Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920: Пер. с англ. Е.А. Каца. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бакланова Ирина Семеновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации (МГТУ ГА). E-mail: bairs777@mail.ru.

TO THE QUESTION ON THE ROLE OF CZECHOSLOVAK CORPS AND GENERAL R. GAIDA IN THE ANTI-BOLSHEVIST STRUGGLE IN THE EAST OF RUSSIA (ACCORDING TO THE RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE ABROAD)

Irina S. Baklanova

The article deals with the opinion of emigrant authors on the role of Czechoslovak Corps and the personal role of Lieutenant General R. Gaida in the history of anti-bolshevist movement in the East of Russia.

Special attention is paid to the analysis of military and political activity of the Corps, strategic views of Lieutenant General R. Gaida and to the display of so called “ataman-machine” in his actions.

This investigation takes into consideration the opinions of such specialists as: historians S.P. Melgunov, P.N. Miljukov; generals: N.N. Golovin, A.P. Fon Budberg, D.V. Filatjev; colonel A.A. Zajtsov and some others.

Key words: literature of the Russian abroad, Civil War in Russia, Czechoslovak Corps, General R. Gajda, participation in the anti-bolshevist movement.

REFERENCES

1. **Baklanova I.S.** *"Chudovischnyey oshibki po rukovodstvu armiey". Literatura russkogo zarubezhya o strategii A.V. Kolchaka v 1919 godu* ["A terrible mistakes in leading the army". Russian emigre literature on the strategy of A.V. Kolchak in 1919] // *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military-historical magazine]. 2012. no. 6. Pp. 66–70. (In Russ.).

2. **Baklanova I.S.** *Literatura russkogo zarubezh'ja ob ocenke dejatel'nosti admirala A.V. Kolchaka v Belom dvizhenii* [Literature of the Russian abroad on the evaluation of Admiral A.V. Kolchak in the White movement] // *Innovacii v grazhdanskoj aviacii. Jelektronnyj zhurnal Moskovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta grazhdanskoj aviacii* [Innovations in civil aviation. Electronic journal of the Moscow state technical University of civil aviation]. 2017. Vol. 2. no. 4. (In Russ.).

3. **Baklanova I.S.** *Osmyslenie russkoy emigratsiey istoričeskogo opyta grazhdanskoy vojny* [Understanding of The Russian emigration historical experience of the civil war] // *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2011. No. 7. Pp. 163–170. (In Russ.).

4. **Bordjugov G.A., Ushakov A.I., Churakov V.Ju.** *Beloe delo: ideologija, osnovy, rezhimy vlasti. Istoriograficheskie očerki* [White matter: ideology, foundations, regimes of power. Historiographical sketches]. Moscow: Russian world Publ., 1998. 320 p. (In Russ.).

5. **Budberg A.** *Dnevnik* [Diary] // *Arhiv Russkoj Revoljucii* [Archive Of The Russian Revolution]. Vol. XIV. Berlin, 1924. Pp. 225–341. (In Russ.).

6. **Gins G.K.** *Sibir', sojuzniki i Kolchak. Povоротnyj moment russkoj istorii 1918–1920 gg. (Vpechatlenija i mysli člєna Omskogo Pravitel'stva)* [Siberia, the allies and Kolchak. Turning point of Russian history, 1918–1920 (Impressions and thoughts of a member of the government of Omsk)]. Vol. II. Beijing: Tipo-lithography of the Russian Ecclesiastical Mission, 1921. 606 p. (In Russ.).

7. **Gins G.K.** Sibir', sojuzniki i Kolchak. Povоротnyj moment russkoj istorii 1918–1920 gg. (Vpechatlenija i mysli chlena Omskogo Pravitel'stva) [Siberia, the allies and Kolchak. Turning point of Russian history, 1918–1920 (Impressions and thoughts of a member of the government of Omsk)]. Vol. I. Beijing: Tipo-lithography of the Russian Ecclesiastical Mission, 1921. 325 p. (In Russ.).

8. **Golovin N.N.** Rossijskaja kontrrevoljucija v 1917–1918 gg. Ch. 4. Kn. 8. Osvoboždenie Sibiri i obrazovanie «Belogo» voennogo fronta Grazhdanskoi vojny [The Russian counter-revolution in 1917–1918. Part 4. Book 8. The Liberation of Siberia and the creation of "White" military front of the Civil war]. Paris, 1937. 154 p. (In Russ.).

9. **Golovin N.N.** Rossijskaja kontrrevoljucija v 1917–1918 gg. Ch. 4. Kn. 9. Osvoboždenie Sibiri i obrazovanie «Belogo» voennogo fronta Grazhdanskoi vojny [The Russian counter-revolution in 1917–1918. Part 4. Book 9. The Liberation of Siberia and the creation of "White" military front of the Civil war]. Paris, 1937. 112 p. (In Russ.).

10. **Zajczov A.A.** 1918 god. Očerki po istorii Russkoj grazhdanskoi vojny [1918. Essays on the history of the Russian civil war]. 1934. 275 p. (In Russ.).

11. **L'vov N.N.** Beloe dvizhenie. [White movement]. Belgrade: Russian printing house, Kosmajskaya, 20, 1924. 15 p. (In Russ.).

12. **Mel'gunov S.P.** Rossijskaja kontrrevoljucija. (Metody i vyvody gen. Golovina). Doklad v akademicheskom sojuze 17 ijunja 1938 g. [Russian counter-revolution. (Methods and conclusions of General Golovin). Report of the academic Union, June 17, 1938]. Paris, 1938. 24 p. (In Russ.).

13. **Milyukov P.** Rossija na perelome: Bol'shevistskij period russkoj revoljucii [Russia at the turning point: the Bolshevik period of the Russian revolution]. Vol. II. Paris, 1927. 281 p. (In Russ.).

14. **Saharov K.** Belaja Sibir': Vnutrennjaja vojna, 1918–1920 [White Siberia: the Internal war, 1918–1920]. Munich, 1923. 324 p. (In Russ.).

15. **Solodovnikov B.** Nash schet [Our account]. Berlin: Russian bookstore in Berlin, [19-]. 31 p. (In Russ.).

16. **Solodovnikov B.** Sibirskie avantjury i general Gajda [Siberian adventures and General Gajda]. Prague: Avt Publ., [193-]. 91 p. (In Russ.).

17. **Filat'ev D.V.** Katastrofa belogo dvizhenija v Sibiri 1918–1922. Vpechatlenija ochevidca [The disaster of the white movement in Siberia 1918–1922. Impressions of an eyewitness]. Paris: YMCA-PRESS Publ., 1985. 142 p. (In Russ.).

18. **Chernov V.** Velikaja russkaja revoljucija. Vospominanija predsedatelja Uchreditel'nogo sobranija. 1905–1920: Per. s angl. E.A. Kaca [Great Russian revolution. Memories of the Chairman of the Constituent Assembly. 1905–1920. Translation from English E.A. Katz]. Moscow: ZAO Centr-poligraf Publ., 2007. 430 p. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina S. Baklanova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Humanities and Socio-Political Sciences Chair, Moscow State Technical University of Civil Aviation (MSTUCA). E-mail: bairs777@mail.ru.

УДК 930.2

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АТАМАНА Г.М. СЕМЕНОВА В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ

И.С. БАКЛАНОВА

В статье рассматриваются точки зрения эмигрантских авторов относительно оценки деятельности генерал-лейтенанта, атамана Г.М. Семенова в восточном анклав антибольшевистского движения в годы Гражданской войны. Особое внимание уделяется анализу в литературе русского зарубежья вопросов взаимоотношения атамана с японским командованием, конфликта с адмиралом А.В. Колчаком, сущности такого явления, как «атаманщина». В статье приводятся мнения генералов П.Н. Врангеля, Н.Н. Головина, Д.В. Филатьева, историков П.Н. Милюкова, С.П. Мельгунова, журналиста В.Н. Иванова и др.

Ключевые слова: Гражданская война, литература русского зарубежья, атаман Г.М. Семенов, японское командование, конфликт с адмиралом А.В. Колчаком, «атаманщина».

Естественно, что при осмыслении итогов Гражданской войны многие эмигрантские авторы задавались вопросом о причинах поражения Белого дела. В частности, лидер конституционно-демократической партии, известный отечественный ученый-историк, являвшийся ярким представителем научной исторической школы Московского университета, П.Н. Милюков, отвечая на поставленный вопрос, назвал пять основных причин, вследствие которых белые не смогли одержать победу в братоубийственном конфликте начала XX века. Среди них – «недостаточно искусное военное руководство» [1, с. 6]. Еще один исследователь Гражданской войны – «лучший военный аналитик русской эмиграции» [2, с. 159] генерал-лейтенант Н.Н. Головин – попытался объяснить происходившие процессы с точки зрения социальной психологии. Указанный автор, в частности, пришел к выводу об отсутствии в антибольшевистском движении лидера, способного освободиться от «психического» давления «избравшей его среды», направив Белое дело «на новые пути», гарантировавшие победу над советской властью [3, с. 79]. В данной связи представляется продуктивным в научном плане рассмотрение вклада отдельных антибольшевистских руководителей в борьбу с красными. Что же касается выбора в качестве историографических источников работ эмигрантских авторов, то, как отмечается в современных исследованиях, литература русского зарубежья имеет «неоспоримое значение» не только в плане «общекультурного развития цивилизации» в целом, но и в изучении истории Гражданской войны, в частности, обогащая ученых интересными фактами и концепциями (см., например: [4, с. 25, 139, 140]).

Атаман Г.М. Семенов, сыгравший в том числе и, по мнению генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, «видную роль» в антибольшевистской борьбе, в годы Первой мировой войны, находясь в чине подъесаула (в дальнейшем – есаула), служил под началом будущего главнокомандующего русской армией сначала

полковым адъютантом, а затем командиром 6-й сотни Нерчинского казачьего полка Уссурийской конной дивизии [5, с. 12, 11]. И именно барону П.Н. Врангелю принадлежит та характеристика Г.М. Семенова, которая чаще всего приводится в исторических исследованиях. В ней Петр Николаевич выделил как положительные – не глуп («с характерной казацкой сметкой»), боек, толков, ловок, храбр, «отличный строевик», так и негативные – «склонность к интриге и неразборчивость в средствах для достижения цели» – черты. Причем даже при описании позитивных моментов поведения своего бывшего подчиненного (например, умение ладить и с рядовыми казаками, и с офицерами) барон все же сделал акцент на определенной двусмысленности действий Г.М. Семенова, в частности, подчеркнул стремление выслужиться («особенно» храбр «на глазах начальства»). К тому же невысокий интеллектуальный уровень (Г.М. Семенов «с трудом» окончил военное училище) и отсутствие «широкого кругозора», на взгляд генерала П.Н. Врангеля, объективно не должны были способствовать выдвижению указанного деятеля «на первый план гражданской войны». В данной связи в своих «Записках» барон выразил удивление произошедшим превращением достаточно ординарного военнослужащего невысокого ранга в одну из ключевых фигур антибольшевистского движения на Востоке России [5, с. 12].

В литературе русского зарубежья имеют место и характеристики атамана Г.М. Семенова, опирающиеся на впечатления, полученные авторами непосредственно в годы Гражданской войны. Так, по мнению, например, А.А. Кирилова, атаман, без сомнения, достаточно умен. Однако это был, скорее, не ум крупного стратега (видимо, поэтому своей программы Г.М. Семенов так и не выработал), а образ действий «очень хитрого человека», умевшего разобраться «в создавшейся обстановке». При этом в окружении атамана доминировали «рядовые рубаки», абсолютно не пригодные к сложной организаторской работе. Да и вообще, на взгляд указанного выше автора, Г.М. Семенов часто не управлял ситуацией, а лишь выполнял те условия, которые ему диктовала «казацья вольница» [6, с. 58]. Однако, по мнению генерал-лейтенанта Д.В. Филатьева, и сам атаман являлся «совершенно беспринципным» человеком, который для достижения своих целей не пренебрегал никакими средствами, «до грабежей и убийств включительно» [7, с. 37].

С приведенными выше точками зрения в определенном плане диссонирует мнение генерал-лейтенанта К.В. Сахарова, который сотрудничал с атаманом в ходе отступления Белой армии в 1920 году. В работе данного автора отмечается, что Г.М. Семенов по-деловому, с полным желанием помочь подошел к вопросу обеспечения отходящих частей всем необходимым. И характеристика атамана, оставленная генералом К.В. Сахаровым последующим поколениям, полна превосходных степеней: «недюжинный, все охватывающий ум»; «искренность стремлений», преданность «без конца» России, отсюда, конечно же, – патриотизм; крепкая воля; простота и доступность «всем и каждому». Видимо, учитывая определенный негатив по отношению к деятельности Г.М. Семенова в годы Гражданской войны,

высказанный другими участниками антибольшевистского движения, генерал К.В. Сахаров в своей работе использовал формулу, очень напоминающую слова, которыми определяли правление ряда российских царей: «Семенов-то сам хо-рош, – семеновцы невыносимы» [8, с. 285, 300, 301].

Некоторые ассоциации с самодержавными правителями в отношении положения атамана в рассматриваемый период встречаются в работах и других эмигрантских авторов. В частности, П.Н. Милюков писал, что за озером Байкал («столицей» являлся город Чита) простиралось «царство» Г.М. Семенова, не признававшего над собой «никакой власти и никакого закона» [1, с. 126]. Да и генералу П.Н. Врангелю атаман, оказавшийся во главе трех казачьих войск, представлялся не иначе как «фактическим хозяином Восточной Сибири» [5, с. 121]. При этом путь восхождения Г.М. Семенова к высотам власти, по описаниям ряда эмигрантских авторов, не являлся очень долгим и слишком тернистым. В 1917 году, «за несколько месяцев до революции», он в качестве комиссара Временного правительства, владевшего монгольским языком (происходил из казачьей офицерской семьи, мать – бурятка) (см., например: [9, с. 46]), был послан в Забайкальскую область для формирования, по выражению генерала П.Н. Врангеля, «инородческих частей». Здесь же его и застали октябрьские события [5, с. 120]. В дальнейшем, как писал генерал Д.В. Филатьев, Г.М. Семенов действовал в качестве партизана на станции Манчжурия, базируясь в Харбине. Здесь же он и получал от правительства генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата ту помощь, без которой деятельность данного отряда была невозможна. (Причем данное правительство, на взгляд указанного автора, в отличие от восемнадцати остальных аналогичных антибольшевистских образований на Востоке страны, имело деньги [7, с. 37, 23–24].) К Г.М. Семенову, как отмечал барон П.Н. Врангель, начали стекаться «многочисленные добровольцы» [5, с. 120]. Это положение некоторым образом подтвердил и П.Н. Милюков: хотя число бойцов в отряде Г.М. Семенова было намного меньше, чем, например, в Сибирской армии (1,5 тыс. против 40 тыс. к августу 1918 года), но все же оно значительно превышало формируемую адмиралом А.В. Колчаком для генерала Д.Л. Хорвата армию, составлявшую в указанное время всего лишь 640 бойцов [1, с. 44]. Укрепив свои позиции, Г.М. Семенов порвал с генералом Д.Л. Хорватом. (Заметим в скобках, что причины данного разрыва генерал-лейтенант барон А.П. фон Будберг увидел в реквизиции вагонов с товаром на станции Манчжурия: отпала надобность в выпрашивании денег, а это означало, что пропала и необходимость в признании харбинских властей) [10, с. 213]. В ознаменование своей самостоятельности Г.М. Семенов начинает именоваться «Войсковым Атаманом Забайкальского казачества и Правителем всей Забайкальской области» [9, с. 47].

Практически все эмигрантские авторы, анализировавшие ситуацию в восточном анклав антибольшевистского движения, объясняли устойчивость положения атамана Г.М. Семенова в первую очередь постоянной материальной и политической поддержкой со стороны японского командования, с которым он, по

свидетельству генерала Д.В. Филатьева, сошелся «близко» еще в «харбинский» период своей деятельности [7, с. 37]. В частности, хорошо информированный П.Н. Милюков отметил, что, начав бороться против советской власти в декабре 1917 года, уже в начале 1918 года Г.М. Семенов получил от японского командования первый транш в виде денег и оружия [1, с. 37]. Для таких авторов, как, например, генерал Д.В. Филатьев, причины указанного сотрудничества, продолжавшегося практически весь период Гражданской войны, казались непонятными [7, с. 37]. Другие же исследователи объяснили их прежде всего возможностью обеспечить реализацию взаимных интересов. Опираясь, в частности, на авторитетное мнение двух таких серьезных специалистов, как профессиональный историк С.П. Мельгунов и генерал Н.Н. Головин, можно констатировать, что иностранная помощь антибольшевистскому движению была жизненно необходима: без нее белые «стояли бы перед неминуемой гибелью» [11, с. 23]. (Отметим, что вопросы взаимоотношений антибольшевистских властей с союзниками по Антанте рассмотрены в ряде в том числе и историографических статей (см., например: [12].) Да и ученый-юрист, политический деятель, член правительства адмирала А.В. Колчака Г.К. Гинс считал, что Г.М. Семенов был прежде всего «силен японскою поддержкою» [13, с. 15]. Дальневосточный же сосед России, озабоченный проблемой перенаселения островов, искал возможности для расширения своего влияния на соседний континент. При этом, как считал П.Н. Милюков, данный процесс мог проходить или в направлении Китая, или в сторону Сибири. Причем последнее из указанных направлений обеспечивало потребности японцев не только в «рудных богатствах», но и в рыболовстве. Гражданская же война в России создала условия для реализации указанных возможностей. В то же время Япония, в чьи планы, на взгляд П.Н. Милюкова, не входило распространение своего присутствия дальше озера Байкал, стремилась укрепить свое положение, в том числе и за счет подконтрольных российских антибольшевистских правительств [1, с. 154, 157, 37, 125]. Таким образом, союз атамана Г.М. Семенова и японского командования носил обоюдовыгодный характер.

В литературе русского зарубежья отмечается, что Г.М. Семенов в качестве серьезного удара по сложившейся системе взаимоотношений оценил приход к власти в Сибири адмирала А.В. Колчака, которого атаман изначально даже отказался признать в качестве Верховного Правителя. В данной связи представляет интерес точка зрения генерала Д.В. Филатьева, считавшего, что атаман формально имел на это право, т. к. добровольное подчинение Директории еще не означало, что Г.М. Семенов был обязан беспрекословно признавать любую последующую власть в качестве верховной не только для Сибири, но и для всей России [7, с. 38]. Однако у большинства эмигрантских авторов данная позиция не нашла понимания и вызвала осуждение. (Заметим в скобках, что ряд участников Гражданской войны правомерно считали одним из основных залогов победы над «советами» сплочение рядов антибольшевистских сил под единым руководством. Поэтому, например, генерал А.П. Будберг, исключительно с сарказмом отзывав-

шийся в своих более ранних записях о личности и способностях адмирала А.В. Колчака, сразу же ответил согласием на предложение занять должность главного начальника снабжения при Ставке Верховного Главнокомандующего. Свое решение указанный автор мотивировал тем, что его отказ в Белом движении может быть расценен как «нежелание служить общему делу». Тем более что главным требованием момента, по мнению А.П. Будберга, было сплочение всех честных людей, патриотов Отечества «около адмирала», чтобы «своим трудом, своими достоинствами покрыть его недостатки» [10, с. 294, 268]. В данной связи и позиция Г.М. Семенова в литературе русского зарубежья часто объяснялась стремлением отстоять свои кажущиеся «права» от «посягательства» адмирала А.В. Колчака, чье «появление» на вершине власти могло поставить предел «честолюбивым планам атамана» (см., например: [5, с. 121]).

Ход событий в рамках данного конфликта и его разрешение также нашли свое отражение в работах эмигрантских авторов. Известно, что Г.М. Семенов попытался склонить на свою сторону таких видных в Белом движении людей, как атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант А.И. Дутов и командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант А.И. Деникин. К первому из данных деятелей был командирован некий ротмистр Закржевский, который, по свидетельству, в частности, члена партии социалистов-революционеров подполковника Б. Солодовникова, должен был склонить войсковое руководство принять следующий план: Колчак уступает свое место Семенову. В этом случае атаман Забайкальского казачества со своей вооруженной силой занимает территорию от Иркутска до Челябинска, а японскому командованию предоставляется область «от Байкала». Во время своей поездки вышеназванный ротмистр активно занимался агитацией, распространяя брошюру «Колчак и Семенов», в которой давалась нелицеприятная характеристика адмирала [14, с. 46, 47]. (Отметим, что ознакомиться с анализом точек зрения эмигрантских авторов относительно оценки деятельности адмирала А.В. Колчака в Белом движении можно в современных историографических работах, в том числе и принадлежащих перу автора данной статьи (см., например: [15]).)

Эсеры, как правило, в Белом движении, мягко говоря, «не жаловали», обвиняя во многих грехах. Так, например, барон А.П. фон Будберг считал, что члены данной партии в годы Гражданской войны занимались исключительно «подпольной работой», для того чтобы «свалить» белые власти [10, с. 288]. Поэтому и ко многим высказываниям представителей социалистов-революционеров со стороны бывших белогвардейцев особого доверия не было. Тем не менее хорошо известным фактом является то, что генерал А.И. Дутов атамана Г.М. Семенова не поддержал. Аналогичным образом поступил и генерал А.И. Деникин, по свидетельству барона П.Н. Врангеля, «решительно» отказав «домоганиям Семенова» [5, с. 121]. Однако указанный конфликт все же завершился мирным образом. Атаман, не получив поддержку со стороны руководителей Белого движения, в конце концов признал власть адмирала А.В. Колчака. Последний же, отказавшись от

объявленных ранее в отношении Г.М. Семенова и членов его ближайшего окружения санкций, не только «простил» выходку атамана, но и произвел его в генералы (см., например: [14, с. 47]). В данной связи в работах эмигрантских авторов приводятся, на наш взгляд, достаточно интересные замечания. Прежде всего, по данным генерала Н.Н. Головина, Г.М. Семенов, выступивший против новой омской власти, действовал исключительно по указке японского командования. Интервентов же не устраивала позиция адмирала, который еще летом 1918 года в Харбине сделал несколько антияпонских заявлений, в частности, открыто высказался против превращения отрядов атаманов Г.М. Семенова и И.П. Калмыкова «в слепые орудия японской политики на русском Дальнем Востоке» [16, с. 62]. В литературе русского зарубежья имеются свидетельства и о том, что к завершению оказавшегося проигрышным для атамана противостояния Семенов – Колчак также приложило руку японское командование, с мнением которого Верховный Правитель все же вынужден был считаться [14, с. 47].

Часть эмигрантских авторов также негативно воспринимали достаточно многочисленные случаи присвоения высоких воинских званий (как и в описанной выше ситуации) военнослужащим, которые не смогли, да и не должны были в рамках принятого в российских вооруженных силах порядка, получить их до начала Гражданской войны. Генерал Д.В. Филатьев считал, что виной этому были прежде всего «неопытность и уступчивость» адмирала, позволявшие хватким, но не имевшим должного представления о воинской чести людям «шагнуть через три, четыре и больше ступеней» [7, с. 63]. (В Сибири, где, по мнению, в частности, и указанного автора, ощущался острый недостаток «в генералах и опытных офицерах» [7, с. 55], высокие должности приходилось замещать военнослужащими, имевшими не соответствующие им звания. Поэтому справедливости ради можно предположить, что повышение воинских званий в некоторых случаях, возможно, лишь способствовало «выстраиванию» привычной субординационной вертикали.)

Возвращаясь к разрешению упомянутого выше конфликта, можно отметить точки зрения авторов, считавших, что опасения Г.М. Семенова в узурпации его власти адмиралом А.В. Колчаком оказались абсолютно беспочвенными. На взгляд, в частности, Б. Солодовникова, атаман признал власть Верховного Правителя России «лишь номинально» [14, с. 47]. Все практически осталось по-прежнему. Внешне атаман Г.М. Семенов демонстрировал, как писал Г.К. Гинс, свою лояльность. Но фактически он был «независим, бесконтролен и вел самостоятельную политику». По мнению указанного автора, данному обстоятельству, безусловно, способствовала поддержка со стороны японского командования. Но существовали и другие факторы, в частности, не были выработаны механизмы, которые бы позволили поставить деятельность атамана под контроль омских государственных учреждений. Ибо все, по выражению Г.К. Гинса, «наиболее яркие» фигуры из окружения Г.М. Семенова числились в ведении «канцелярии походного атамана», существование которой не предусматривалось никакими действующими

щими законами. Член правительства адмирала А.В. Колчака в своем труде признался в полном бессилии омских властей хоть как-то воздействовать на атамана, в том числе и в невозможности его ликвидации [13, с. 399, 455, 514].

В литературе русского зарубежья Г.М. Семенов упоминался не только в связи с его сотрудничеством с японским командованием, конфликтом по поводу непризнания адмирала А.В. Колчака Верховным Правителем, но и, во многом благодаря барону А.П. фон Будбергу, в качестве одного из реальных воплощений такого явления, как «атаманщина». Данный термин достаточно часто встречается в работах эмигрантских авторов, писавших об истории антибольшевистского движения в Сибири. Однако четкое, по-научному выверенное определение этого понятия отсутствует даже в трудах профессиональных ученых. Нередко «атаманщина» у эмигрантских авторов вызвала ассоциации со средневековьем, в частности, для генерала Д.В. Филатьева, со «Смутным временем XVII в.» [7, с. 23]. Г.К. Гинс увидел в ней черты периода политической раздробленности, при которой вассалы были достаточно независимы даже от своих сюзеренов [17, с. 312]. Генерал же Н.Н. Головин уточнил, что характерной чертой «атаманщины» являлся «дух произвола и беззакония» [9, с. 33].

Красной нитью через все дневниковые записи генерала А.П. фон Будберга проходит мысль о необходимости непримиримой борьбы по искоренению «атаманщины» из Белого движения, которую указанный автор определил как свое «credo» [18, с. 226, 231]. Причем Алексей Павлович достаточно подробно остановился на характеристике вреда данного явления для антибольшевистских сил. Прежде всего гибельность «атаманщины» барон увидел в возможности реализации замыслов неких деятелей и возглавляемых ими сил по попаданию «на государственные верхи», для того чтобы «взять в свои безграмотные руки» дело огромной важности – «восстановление России». К тому же, по мнению генерала, вне зависимости от количества «истребленных» большевиков, многочисленные атаманы мешали консолидации антибольшевистского движения, в частности, тем, что отвлекали людей от службы в Белой армии, которую они меняли на возможность «болтаться и наслаждаться» в отрядах атаманов [10, с. 234, 241]. А.А. Кирилов уточнил: достаточно частым явлением была поддержка Г.М. Семенова бедными сибирскими крестьянами. Именно они поступали в карательные отряды для того, чтобы грабить «своих зажиточных односельчан» [6, с. 58]. В данной связи жестокое обращение с местным населением, которым славились атаманы вообще и атаман Г.М. Семенов в частности, на взгляд генерала А.А. фон Будберга, вселяло ненависть к антибольшевистскому движению, работая на руку красным [18, с. 231]. В трудах ряда эмигрантских авторов подтверждается приведенное выше положение. Например, подполковник Б. Солодовников описал один из способов «воздействия», применявшихся разведкой атамана Г.М. Семенова. На голый живот допрашиваемого, привязанного к столу, помещалась крыса. Сверху она накрывалась чугунным котлом. По котлу стучали палкой, пока обезумевшее животное, в поисках выхода, не вгрызлось во внутренности истязаемого [14, с. 15].

Следует отметить, что приведенные выше мнения относительно деятельности атамана Г.М. Семенова не являлись единственными в литературе русского зарубежья. Если указанные авторы делали упор на субъективной составляющей процессов, происходивших в России в годы Гражданской войны, то омский журналист В.Н. Иванов попытался обосновать существование объективной основы деятельности определенных персоналий. На взгляд данного автора, в годы Гражданской войны государства как такового с его основными признаками – «Власть, Территория, Население» – не существовало. Поэтому на обоих полюсах, как на стороне красных, так и на стороне белых, начался процесс самоорганизации общества, когда люди стали строить «свое государство, свой порядок». В данной связи «процесс атаманства», по мнению В.Н. Иванова, и представлял собой это самое строительство «ячеек порядка», создаваемых самим народом [19, с. 135, 136].

Таким образом, в литературе русского зарубежья накоплен определенный опыт изучения темы. Дальнейшая работа над соответствующей проблематикой представляется не только в плане проверки, конкретизации, анализа данных, приведенных в работах эмигрантских авторов (что предполагает, в частности, привлечение изысканий отечественных и зарубежных исследователей), но и в возможном сотрудничестве с учеными других специальностей, в частности, с представителями философского знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бакланова И.С.** Литература русского зарубежья об оценке деятельности адмирала А.В. Колчака в Белом движении // *Инновации в гражданской авиации. Электронный журнал Московского государственного технического университета гражданской авиации.* 2017. Т. 2, № 4.
2. **Бакланова И.С.** Осмысление русской эмиграцией исторического опыта гражданской войны // *Вопросы истории.* 2011. № 7. С. 163–170.
3. **Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.** Белое дело: идеология, основы, режимы власти. *Историографические очерки.* М.: Русский Мир, 1998. 320 с.
4. **Будберг А.** Дневник // *Архив Русской Революции.* Т. XIII. Берлин, 1924. С. 197–312.
5. **Будберг А.** Дневник // *Архив Русской Революции.* Т. XIV. Берлин, 1924. С. 225–341.
6. **Врангель П.Н.** Записки (Ноябрь 1916 г. – Ноябрь 1920 г.) // *Белое Дело.* Т. V. [Берлин, 1928]. С. 6–312.
7. **Гинс Г.К.** Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства). Т. II. Пекин: Типо-литография Русской Духовной Миссии, 1921. 606 с.: ил.
8. **Гинс Г.К.** Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства). Т. I. Пекин: Типо-литография Русской Духовной Миссии, 1921. 325 с.: ил.
9. **Головин Н.Н.** Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 4. Кн. 9. Освобождение Сибири и образование «Белого» военного фронта гражданской войны. [Париж, 1937]. 112 с.
10. **Головин Н.Н.** Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 4. Кн. 8. Освобождение Сибири и образование «Белого» военного фронта Гражданской войны. [Париж, 1937]. 154 с., [1] л.к.

11. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 5. Кн. 12. Освобождение Дона и Кубани и образование «Белого» южного фронта гражданской войны. Общее заключение. [Париж, 1937]. 96 с.

12. Иванов В. В гражданской войне. (Из записок омского журналиста). Харбин: Электро-типография издательства «Заря» М.С. Дембича, 1921. 137 с.

13. Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Общественно-экономический сборник / под общей редакцией И.А. Якушева. Прага, 1928. № IV. С. 36–62.

14. Мельгунов С.П. «Российская контрреволюция». (Методы и выводы ген. Головина). Доклад в академическом союзе 17 июня 1938 г. Париж, 1938. 24 с.

15. Милуков П. Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Т. II. Париж, 1927. 281 с. [2] л. карт.

16. Сахаров К. Белая Сибирь: Внутренняя война, 1918–1920. Мюнхен, 1923. 324 с.

17. Солодовников Б. Сибирские авантюры и генерал Гайда. Прага: Изд. Авт., [193-]. 91 с.

18. Филатьев Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири 1918–1922. Впечатления очевидца. Paris: YMCA-PRESS, 1985. 142 с., 1 л. портр.

19. Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920: Пер. с англ. Е.А. Каца. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 430 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бакланова Ирина Семеновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации (МГТУ ГА). E-mail: bairs777@mail.ru.

RUSSIAN ABROAD LITERATURE ABOUT ATAMAN G.M. SEMENOV AND HIS ROLE IN THE ANTI-BOLSHEVIST MOVEMENT

Irina S. Baklanova

The article discusses the evaluational point of view which is given by emigrant authors on the actions of Lieutenant General, ataman G.M. Semenov in the Eastern anclave during the Civil War. Special attention is paid to the relations of the ataman with Japanese commandership, conflict with admiral A.V. Kolchak and to the essence of such phenomenon as “atamanschina”. The article quotes the opinions of generals P.N. Wrangel, N.N. Golovin, D.V. Filatyev, historians P.N. Milyukov, S.P. Melgunov, journalist V.N. Ivanov and some others.

Key words: Civil War, literature of Russian abroad, ataman G.M. Semenov, the Japanese commandership, conflict with Admiral A.V. Kolchak, "atamanschina".

REFERENCES

1. Baklanova I.S. *Literatura russkogo zarubezh'ja ob ocenke dejatel'nosti admirala A.V. Kolchaka v Belom dvizhenii* [Literature of the Russian abroad on the evaluation of Admiral A.V. Kolchak in the White movement] // *Innovacii v grazhdanskoj aviacii. Jelektronnyj zhurnal Moskovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta grazhdanskoj aviacii* [Innovations in Civil Aviation. Electronic journal of the Moscow State Technical University of Civil Aviation]. 2017. Vol. 2, no. 4. (In Russ.).

2. **Baklanova I.S.** *Osmysleniye russkoy emigratsiye istoricheskogo opyta grazhdanskoj vojny* [Understanding of The Russian emigration historical experience of the civil war] // *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2011. No. 7. Pp. 163–170. (In Russ.).
3. **Bordjugov G.A., Ushakov A.I., Churakov V.Ju.** *Beloe delo: ideologija, osnovy, rezhimy vlasti. Istoriograficheskie ocherki* [White matter: ideology, foundations, regimes of power. Historiographical sketches]. Moscow: Russian world Publ., 1998. 320 p. (In Russ.).
4. **Budberg A.** *Dnevnik* [Diary] // *Arhiv Russkoj Revoljucii* [Archive Of The Russian Revolution]. Vol. XIII. Berlin, 1924. Pp. 197–312. (In Russ.).
5. **Budberg A.** *Dnevnik* [Diary] // *Arhiv Russkoj Revoljucii* [Archive Of The Russian Revolution]. Vol. XIV. Berlin, 1924. Pp. 225–341. (In Russ.).
6. **Vrangel' P.N.** *Zapiski (Nojabr' 1916g. – Nojabr' 1920g.)* // *Beloe Delo T. V* [Notes (November 1916 – November 1920). White Case. Vol. V]. Berlin, 1928. Pp. 6–312. (In Russ.).
7. **Gins G.K.** *Sibir', sojuzniki i Kolchak. Povorotnyj moment russkoj istorii 1918–1920 gg. (Vpechatlenija i mysli chlena Omskogo Pravitel'stva)* [Siberia, the allies and Kolchak. Turning point of Russian history, 1918–1920 (Impressions and thoughts of a member of the government of Omsk)]. Vol. II. Beijing: Tipo-lithography of the Russian Ecclesiastical Mission, 1921. 606 p. (In Russ.).
8. **Gins G.K.** *Sibir', sojuzniki i Kolchak. Povorotnyj moment russkoj istorii 1918–1920 gg. (Vpechatlenija i mysli chlena Omskogo Pravitel'stva)* [Siberia, the allies and Kolchak. Turning point of Russian history, 1918–1920 (Impressions and thoughts of a member of the government of Omsk)]. Vol. I. Beijing: Tipo-lithography of the Russian Ecclesiastical Mission, 1921. 325 p. (In Russ.).
9. **Golovin N.N.** *Rossijskaja kontrrevoljucija v 1917–1918 gg. Ch. 4. Kn. 9. Osvobozhdenie Sibiri i obrazovanie «Belogo» voennogo fronta Grazhdanskoj vojny* [The Russian counter-revolution in 1917–1918. Part 4. Book 9. The Liberation of Siberia and the creation of "White" military front of the Civil war]. Paris, 1937. 112 p. (In Russ.).
10. **Golovin N.N.** *Rossijskaja kontrrevoljucija v 1917–1918 gg. Ch. 4. Kn. 8. Osvobozhdenie Sibiri i obrazovanie «Belogo» voennogo fronta Grazhdanskoj vojny* [The Russian counter-revolution in 1917–1918. Part 4. Book 8. The Liberation of Siberia and the creation of "White" military front of the Civil war]. Paris, 1937. 154 p. (In Russ.).
11. **Golovin N.N.** *Rossijskaja kontrrevoljucija v 1917–1918 gg. Ch. 5. Kn. 12. Osvobozhdenie Dona i Kubani i obrazovanie «Belogo» juzhnogo fronta grazhdanskoj vojny. Obshee zakljuchenie* [The Russian counter-revolution in 1917–1918. Part 5. Book 12. Liberation of the Don and Kuban, and the creation of the "White" southern front of the civil war. General conclusion]. Paris, 1937. 96 p. (In Russ.).
12. **Ivanov V.** *V grazhdanskoj vojne. (Iz zapisok omskogo zhurnalista)* [In civil war. (From notes of the Omsk journalist)]. Harbin, Electric printing house of the publishing house "Dawn" of M.S. Dembich, 1921. 137 p. (In Russ.).
13. **Kirilov A.A.** *Sibirskaya armiya v bor'be za osvobozhdeniye* [Siberian army in the struggle for liberation] // *Vol'naya Sibir'* [Free Siberia]. *Obshhestvenno-jekonomicheskij sbornik / Pod obshej redakciej I.A. Jakusheva* [Socio-economic collection. Under the General editorship of I. A. Yakushev]. Prague, 1928. no. IV. Pp. 36–62. (In Russ.).
14. **Mel'gunov S.P.** *Rossijskaja kontrrevoljucija. (Metody i vyvody gen. Golovina). Doklad v akademicheskom sojuze 17 ijunja 1938 g.* [Russian counter-revolution. (Methods and conclusions of General Golovin). Report of the academic Union, June 17, 1938]. Paris, 1938. p. 24. (In Russ.).
15. **Milyukov P.** *Rossija na perelome: Bol'shevistskij period russkoj revoljucii* [Russia at the turning point: the Bolshevik period of the Russian revolution]. Vol. II. Paris, 1927. 281 p. (In Russ.).
16. **Saharov K.** *Belaja Sibir': Vnutrennjaja vojna, 1918–1920* [White Siberia: the Internal war, 1918–1920]. Munich, 1923. 324 p. (In Russ.).
17. **Solodovnikov B.** *Sibirskie avantjury i general Gajda* [Siberian adventures and General Gayda]. Prague: Avt Publ., [193-]. 91 p. (In Russ.).

18. Filat'ev D.V. Katastrofa belogo dvizhenija v Sibiri 1918–1922. Vpechatlenija ochevidca [The disaster of the white movement in Siberia 1918–1922. Impressions of an eyewitness]. Paris: YMCA-PRESS Publ., 1985. 142 p. (In Russ.).

19. Chernov V. Velikaja ruskaja revoljucija. Vospominanija predsedatelja Uchreditel'nogo sobranija. 1905–1920: Per. s angl. E.A. Kaca [Great Russian revolution. Memories of the Chairman of the Constituent Assembly. 1905–1920. Translation from English. E. A. Katz]. Moscow: ZAO Centrpoligraf Publ., 2007. 430 p. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Baklanova Irina Semenovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Humanities and Socio-Political Sciences Chair, Moscow State Technical University of Civil Aviation (MSTUCA). E-mail: bairs777@mail.ru.

УДК 93/94+629.73

КОНСТРУКТОРСКИЕ ИДЕИ Э.Ч. ХУФФЭКЕРА В АВИАЦИИ

Л.И. КАРПОВА

Статья посвящена исследованию роли Э.Ч. Хуффэкера в развитии авиационной техники, в частности в создании летательного аппарата тяжелее воздуха. Автор рассматривает жизненный путь и предпосылки формирования конструкторских идей Хуффэкера, описывает результаты его наблюдений за птицами. Сделан вывод о том, что американский ученый был одним из первых в истории авиации, кто применил принцип Бернулли к крыльям с изогнутым профилем, чтобы объяснить, как птицы и самолеты создают подъемную силу.

Ключевые слова: Э.Ч. Хуффэкер, авиационная техника, летательные аппараты тяжелее воздуха, принцип Бернулли, подъемная сила крыла.

В современных отечественных и зарубежных исследованиях по истории авиации не уделено должного внимания вкладу Эдварда Чалмерса Хуффэкера (Edward Chalmers Huffaker (1856–1937)) в развитие авиации в США, что является существенным пробелом в создании логической концепции исторического развития авиационной техники. В данной статье на основе изученных американских источников предпринята попытка показать вклад Хуффэкера в создание летательного аппарата тяжелее воздуха.

В последней четверти XIX века многочисленные статьи по авиации, появившиеся в прессе, а также эксперименты отдельных исследователей подтверждали значительный интерес к решению задачи создания летательного аппарата тяжелее воздуха.

Серьезными исследованиями в области авиации Э. Хуффэкер начал заниматься в последнем десятилетии XIX века. Он осознал, что понимание полета птиц будет являться основой для создания самолета. Исследователь внимательно изучал многочисленные статьи, предлагавшие и обсуждавшие различные теории полета. Интерес к этой проблеме побудил его начать эксперименты для наблюдения за птицами, измеряя секундомером время их парения и документируя собранные им сведения. Хуффэкер отстреливал некоторых птиц, для того чтобы взвесить их и измерить размах крыла. Он построил и испытал несколько моделей планеров, экспериментируя с формой, изогнутостью, V-образностью и балансировкой крыльев. На основе своих наблюдений он сделал заключение о том, что форма крыльев птиц является важным фактором для осуществления полета. По мере того как его интерес и опыт росли, он продолжал изучать теории и результаты других экспериментаторов.

В журнале «Научный американец» (“Scientific American”) конца XIX – начала XX веков почти в каждом издании публиковались многочисленные статьи профессионалов и авиаторов-любителей, теоретиков и практических экспериментаторов, историков, которые пытались объяснить, почему всякое природное существо, способное к полету, планированию или парению, имеет изогнутую поверхность крыла (рыбы, птицы, насекомые, млекопитающие и даже растения, рас-

сеивающие свои семена по ветру). Все авторы без исключения подтверждали повсеместность изогнутых крыльев в природе, но упорно продолжали приписывать подъемную силу аэропланов толкающему эффекту воздуха, ударяющемуся в нижнюю поверхность крыла. В некоторых случаях давались сложные описания того, как воздух, проходящий над верхней поверхностью крыла, закручивался назад вниз, огибая его сзади, и формировал обратный вихрь, который ударялся в изогнутую нижнюю поверхность, производя толкающий эффект сзади.

Центром американских авиационных исследований в 1890-х был Смитсоновский Университет в Вашингтоне, округ Колумбия, где федеральное правительство финансировало проект создания летательного аппарата тяжелее воздуха. В 1887 году в университете С.П. Ленгли (S.P. Langley (1834–1906)), известный астроном и физик, помимо других своих научных исследований начал изучать возможность полета на летательных аппаратах тяжелее воздуха. Используя оборудование, уже имевшееся в лабораториях университета для изучения метеорологических и атмосферных явлений, Ленгли построил большой «вращающийся стол» и другие автоматические приспособления, с помощью которых производились исследования аэродинамических сил, действующих на быстродвигающиеся тела.

В мае 1892 года Эдвард Хуффэкер прочитал статью С.П. Ленгли «Механический полет» в журнале “Cosmopolitan”. Эта статья побудила его написать и предложить автору собственную теорию о создании птицами своими крыльями подъемной силы.

В письме профессору Ленгли от 28 мая 1892 года он писал: «Я с большим интересом прочитал Вашу недавнюю статью "Механический полет" в журнале "Космополитен" и хотел бы спросить, не согласились бы Вы любезно рассмотреть полностью новую теорию полета птиц. Я изучил с особенной тщательностью полет турецкого ястреба, которого мы имеем бесчисленное количество в этой части страны, и у меня есть причина полагать, что я нашел решение, объясняющее все явления полета, с которыми имели дело мои наблюдения. Если моя теория правильна, то она открывает путь к новым методам и некоторым неожиданным возможностям по линии искусственного полета. Если Вы чувствуете себя расположенным, чтобы изучить этот вопрос, я буду рад посетить вас вскоре и изложить Вам мои планы и теории» [2, chapter 5].

Хуффэкер 4 июня 1892 года написал еще одно письмо Ленгли. Однако профессор отказал ему, ссылаясь на большую занятость. Между тем Хуффэкер продолжал свои наблюдения и эксперименты. Он строил модели планеров и запускал их с холмов, тщательно записывая расстояние и продолжительность каждого полета. В декабре 1892 года он в третий раз написал Ленгли письмо, в котором сообщал о благополучном экспериментальном подтверждении своей теории в виде успешно проведенных испытаний двухфунтовой модели планера, которая совершала устойчивый продолжительный полет, и предложил ему выслать результаты своих наблюдений. Ленгли был заинтригован перспективой модели, которая фактически летала, и выразил свое желание узнать о ней больше.

В следующем письме Хуффэкер представил ему на рассмотрение конспект, описывающий на 26 страницах новую теорию полета и эксперименты, ее подтверждающие. Это было научное письмо, которое фактически опровергло существовавшие в то время теории.

В первой части своего конспекта Хуффэкер опроверг утверждение о том, что птица плавает в воздухе подобно бумажному змею и поднимается вверх в результате реакции воздуха, который ударяется в нижнюю поверхность ее крыльев и направляется вниз. Подтверждая свои объяснения годами тщательно зарегистрированных наблюдений и экспериментов, он подчеркивал: «...птица создана так, что никакая часть воздуха при ударе о нее не будет направлена вниз» [2, chapter 5].

Во второй части он детально описал воздушный поток вокруг изогнутой поверхности и давление в его различных точках, объяснив принцип полета птиц. «...У парящих птиц тыльный край крыльев... находится приблизительно на одной линии с передним краем, а... промежуточные части более приподняты, чем передняя и задняя... Рассуждения покажут, что на верхней поверхности крыла скорость является наибольшей, а давление наименьшим вдоль поверхности. Также будут существовать две точки [передняя и задняя части крыла], в которых давление является нормальным. Между этими точками давление будет меньше нормального, а скорость больше. Поэтому в передней части крыла будет восходящее движение воздуха, а позади – нисходящее. Следовательно, существует точка... от которой воздух начинает подниматься по изогнутой поверхности крыла... таким образом, большее количество воздуха будет проходить над крылом, чем под ним» [2, chapter 5].

Последующие части конспекта были посвящены рассмотрению таких важных проблем, как парение, функции крыла и форма тела, пропульсивная сила и взмахи крыла касательно полета птиц.

В ответ на это письмо Ленгли сообщил, что применение теории Бернулли к потоку воздуха является, возможно, чем-то новым и предложил Хуффэкеру представить его работу на международном конгрессе по воздушной навигации, который должен был состояться в 1893 году в Чикаго.

Работа Хуффэкера под названием «Парящий полет» была представлена в воздухоплавательный комитет конгресса, председателем которого был Октав Шанют. Она появилась в трудах конференции, и в 1894 году была опубликована в журнале «Аэронавтика» и «Американском инженерном и железнодорожном журнале», для которого Шанют написал 27 статей в период с октября 1891 года по январь 1894 года, посвященных развитию авиации в мире. Позже он собрал их в книгу «Прогресс в летательных машинах» (Progress in Flying Machines, 1894).

По рекомендации Шанюта профессор Ленгли нанял Эдварда Хуффэкера на должность помощника по аэродинамическим исследованиям в Смитсоновский Университет. Хуффэкер по просьбе Ленгли продемонстрировал свою успешно летающую модель планера. Профессор был восхищен ее полетом.

До прихода Хуффэкера в Смитсонианский Университет команда Ленгли построила и испытала маленькие модели, получившие название «Аэродром», с номерами от 0 до 4. Они имели 10-футовый размах крыла и были оснащены паровым двигателем мощностью приблизительно в две лошадиные силы. Однако ни одна из них так и не смогла совершить успешный полет. Очевидно, что неудачи Смитсонианских экспериментаторов были связаны с тем, что они применяли в этих моделях крылья, созданные по проекту Ленгли, с плоской поверхностью. До прихода Хуффэкера профессор Ленгли, подобно многим другим экспериментаторам, единообразно прикреплял крылья в виде плоских поверхностей к своим моделям, приподнимая их под небольшими углами к набегающему воздушному потоку, полагая при этом, что подъемная сила возникает от ударов воздуха в нижнюю часть крыла, толкая последнее вверх.

Команда Ленгли работала над созданием новой модели «Аэродрома» номер 5, а модель номер 4 была полностью переделана и получила новое название – «Аэродром» номер 6. Эти летательные аппараты имели два прямоугольных крыла одинакового размаха, расположенных одно за другим, и крестообразное хвостовое оперение. Перед Хуффэкером была поставлена задача перепроектировать обе модели (номер 5 и 6). Он переконфигурировал центр тяжести, переделал крылья, объяснив Ленгли, что птицы используют свои хвостовые поверхности только для управления, а не для создания подъемной силы. Хуффэкер перераспределил вес путем уменьшения заднего крыла, для того чтобы оно выполняло только функции управления, затем расширил переднее крыло, чтобы оно могло нести большую часть веса, и придал им явно выраженный изгиб (выпуклость), отражая свою теорию, согласно которой, принцип Бернулли являлся причиной возникновения подъемной силы.

Модели номер 5 и 6 имели смешанную конструкцию: фюзеляж, в котором размещался двигатель, был выполнен из стальных труб, крылья имели деревянный силовой набор и шелковую обтяжку. Имелась система мачт и проволочных растяжек. Для обеспечения поперечной устойчивости крылья были отклонены вверх под углом 15 градусов.

Для испытаний на реке Потомак, около Квантико (Quantico), штат Вирджиния, была построена плавучая катапульта, выбрасывающая модель в воздух с помощью сильной пружины. Посадка осуществлялась на воду.

Модель номер 6 была испытана первой. Однако после запуска растяжка, соединяющая ее крылья, зацепилась за запускающий механизм, и, сломав левое крыло, модель упала в воду. Экспериментаторы достали ее и затем подготовили «Аэродром» номер 5 для запуска. Испытания модели номер 5 прошли успешно. Летательный аппарат находился в воздухе примерно 1 мин 30 с, пролетел расстояние в 3300 футов и плавно приземлился на воду. В конце того же года была успешно испытана модель номер 6. Позже профессор Белл написал, что проведенные испытания продемонстрировали возможность механического полета.

План Ленгли состоял в том, чтобы построить полномасштабную, пилотируемую летающую машину, характеристики которой, как показали модели, могли обес-

печивать безопасный и устойчивый полет. Однако работа над полномасштабным проектом велась медленно. Хуффэкер предлагал несколько возможных способов запуска летающей машины, но Ленгли настаивал на использовании баржи, для того чтобы в случае аварии летчик смог остаться живым после падения в воду.

Несмотря на то, что Эдвард Хуффэкер доказал теоретически и практически ценность изогнутых крыльев с помощью запуска ручных моделей, Ленгли настаивал на продолжении Хуффэкером экспериментов с обоими типами поддерживающих поверхностей – изогнутыми и плоскими.

В январе 1898 года Ленгли, все еще будучи неуверенным относительно причины возникновения подъемной силы на искусственных крыльях, поставил Хуффэкеру задачу провести ряд повторных экспериментов на открытом воздухе, чтобы сравнить их с результатами тех экспериментов, которые проводились в течение многих лет в лаборатории. Цель испытаний состояла в том, чтобы измерить подъемную силу, в которой отсутствовали бы восходящие потоки воздуха, помогавшие крылу.

Отчеты Хуффэкера о проделанных опытах всякий раз опровергали влияние восходящих потоков воздуха и наличие какой-либо внутренней работы ветра в создании подъемной силы на искусственных крыльях.

Работа над полноразмерным летательным аппаратом шла очень медленно. 17 декабря 1898 года Хуффэкер, подав прошение об отставке, покинул Университет. Это произошло перед самым началом испытаний на полноразмерном «Аэродроме».

На следующий год Уилбер Райт написал письмо в Смитсоновский Университет, сообщив, что собирается начать систематическое изучение проблемы полета и попросил выслать ему какие-нибудь материалы по этому вопросу, а также список наиболее значимых документов на английском языке. Среди работ, отправленных Райту, была статья Хуффэкера «О парящем полете». Год спустя, летом 1900 года, Уилбер и Орвилл Райт совершили свое первое путешествие в Китти Хоук, для того чтобы испытать построенный дома планер. Октав Шанют с интересом следил за успехами братьев Райт.

В 1898 году Октав Шанют заключил контракт с Хуффэкером на постройку пилотируемого (человеком) планера. Они надеялись создать проект летательного аппарата, который бы обеспечивал сохранение прямолинейного движения в вертикальной и горизонтальной плоскости путем оказания небольших корректирующих действий пилотом. В одном из своих писем Шанют писал: «Важная вещь состоит в том, чтобы знать, обеспечивает ли шарнирное крепление крыльев автоматическую устойчивость, и мне бы очень хотелось получить от Вас известие по этому поводу» [2, chapter 8]. Их переписка продолжалась на протяжении всего 1900 года. В этот период было осуществлено несколько модификаций планера. Шанют неоднократно посещал Хуффэкера, получая от него информацию о новых достижениях и ответы на поставленные им ранее вопросы.

В январе 1901 года Шанют принял решение о постройке полноразмерной летательной машины, которую должны были в августе 1901 года испытать два

других его помощника, Орвилл и Уилбер Райт. Двадцать девятого июня он написал братьям Райт письмо, в котором предложил, чтобы Хуффэкер присоединился к ним и помог с ведением записей экспериментов.

Восемнадцатого июля вместе со своим разобранным и упакованным планером Хуффэкер прибыл в лагерь братьев Райт. Он написал Шанюту о том, что братья Райт приняли его доброжелательно и что он надеется на позитивное совместное сотрудничество с ними.

Эксперименты братьев с их планером вначале проходили успешно, но по мере увеличения дальности полета они столкнулись с проблемой управляемости аппаратом. Тем временем Хуффэкер собрал свой планер-биплан, внешний дизайн которого не произвел впечатления на братьев Райт. Для того чтобы уменьшить вес аппарата, Хуффэкер использовал трубки, скрученные из бумаги и пропитанные шеллачным лаком, которые разделяли крылья между собой. Однако главной целью испытаний его планера была проверка идеи шарнирного крепления крыльев таким образом, чтобы угол атаки мог изменяться в полете, обеспечивая «автоматическую устойчивость». Однако шторм в Китти Хоук, где происходили испытания, разрушил планер Хуффэкера. Братья Райт, воспользовавшись тем, что их собственный летательный аппарат находился в закрытом, защищенном месте и не был разрушен, продолжили эксперименты с этим планером, в которых им помогал Хуффэкер.

В конце августа 1901 года братья Райт и Хуффэкер покинули Китти Хоук, так и не решив проблему автоматической устойчивости и управляемости планера в полете.

Через два года, 17 декабря 1903 года Орвилл Райт совершил первый в мире полет на моторном летательном аппарате тяжелее воздуха, пролетев 120 футов за 12 секунд.

Хуффэкер до конца своей жизни так и не признал заслугу братьев Райт в осуществлении первого в мире полета на самолете. Он утверждал, что они даже не имели понятия о том, почему их самолет летает.

Таким образом, Эдвард Чалмерс Хуффэкер был одним из первых в истории авиации, кто применил принцип Бернулли к крыльям с изогнутым профилем, чтобы объяснить, как птицы и самолеты создают подъемную силу.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Соболев Д.А.** История самолетов. Начальный период. М.: РОССПЭН, 1995.
2. **Hensley S.V., Hensley J.D.** Edward C. Huffaker's unpublished letters, containing the earliest application of Bernoulli's principle to account for aerodynamic lift: a storytelling approach to aviation history [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://airplanes.wmkt.com> (дата обращения: 12.06.2018).
3. **Hensley S.V., Hensley J.D.** Thesis on E.C. Huffaker [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://airplanes.wmkt.com> (дата обращения: 21.05. 2017).

4. *The Failure of Langley's Aerodrome* // *Scientific American*. Vol. 89, October 17. 1903. P. 272 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://invention.psychology.msstate.edu> (дата обращения: 12.06.2018).

5. *The Langley Airship* // *Scientific American*. Vol. 89, August 29. 1903. P. 151 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://invention.psychology.msstate.edu> (дата обращения: 12.06.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпова Любовь Ильинична, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации (МГТУ ГА). E-mail: l.karpova@mstuca.aero.

THE DESIGN IDEAS OF E.CH. HUFFAKER IN AVIATION

Karpova L.I.

The article is devoted to a research of a role of E.Ch. Huffaker in the development of aviation technology, in particular, in creation of the aircraft which is heavier than air. The author considers the life and prerequisites for formation of the Huffaker design ideas, describes the results of his birds watching. It was concluded that the American scientist was one of the first in the history of aviation to apply the Bernoulli principle to wings with a curved profile in order to explain how birds and aircraft create lift.

Key words: E.Ch. Huffaker, aviation technology, heavier than air aircraft, Bernoulli's principle, wing lift.

REFERENCES

1. **Sobolev D.A.** *Istoriya samoletov. Nachal'nyy period*. M.: ROSSPEN, 1995.

2. **Hensley S.V., Hensley J.D.** Edward C. Huffaker's unpublished letters, containing the earliest application of Bernoulli's principle to account for aerodynamic lift: a storytelling approach to aviation history [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://airplanes.wmkt.com> (data obrascheniya: 12.06.2018).

3. **Hensley S.V., Hensley J.D.** Thesis on E.C. Huffaker [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://airplanes.wmkt.com> (data obrascheniya: 21.05. 2017).

4. *The Failure of Langley's Aerodrome* // *Scientific American*, 89, October 17, 1903, p. 272 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://invention.psychology.msstate.edu> (data obrascheniya: 12.06.2018).

5. *The Langley Airship* // *Scientific American*, 89, August 29, 1903, p. 151 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://invention.psychology.msstate.edu> (data obrascheniya: 12.06.2018).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karpova Liubov Ilinichna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Humanities and Socio-Political Sciences Chair, Moscow State Technical University of Civil Aviation (MSTUCA). E-mail: l.karpova@mstuca.aero.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 347.471.33.37

**КУЛЬТУРНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО:
РЕКЛАМА И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА****Н.М. МАМЕДОВА**

Анализируются особенности и пути влияния древних мифов на современное мифотворчество в рекламе и массовой культуре. Автор обосновывает положение о том, что миф являлся средством включения человека в социальную реальность, ее конструирования и поддержания, не только специфической формой отражения природы, выражения психики, но и проекцией складывающихся социальных отношений. Древний миф был средством социокультурной регуляции и трансляции культурного опыта. Сделан вывод, что массовая культура и реклама, как ее наиболее динамичная сфера, унаследовали эти функции мифа.

Ключевые слова: реклама, массовая культура, духовное производство, мифотворчество, кризис духовной культуры.

Реклама – это не только самая демонстративная часть массовой культуры, но и ее движущая сила, способ распространения «современного фольклора». По мере развития средств массовой информации реклама все более превращалась из коммерческого в социокультурное явление.

Реклама связана с массовой культурой как генетически, так и по способам существования. Она как в фокусе отражает все черты массовой культуры. Среди всего многообразия явлений и свойств, объединяющих массовую культуру и рекламу, можно выделить несколько основных, характеризующих сущность этих явлений.

Прежде всего, и реклама, и массовая культура – это обращение к бессознательным структурам как индивидуальной, так и коллективной психики, выражение массового вкуса и массового подсознательного желания. Реклама возбуждает неясные, но очень чувствительные импульсы в общественной психологии, что определяется ее мифологическим характером. Символическая, мифотворческая роль рекламы состоит в придании товару некоторой культурной, социальной ценности, нового вымышленного смысла. Современный мифологизм отличается от архаического. Вместе с тем анализ особенностей и механизма действия архаических мифов позволяет понять социокультурные проекции современного мифотворчества в рекламе и массовой культуре в целом.

Архаический миф, или протомиф, в значительной мере был невербальной, наглядно-действенной формой познания. В ритуале и мифе проявляется не столько отражательная функция познавательного процесса, сколько интерпретирующая, связанная с перенесением субъекта познания, себя на место другого, с сопереживанием, подражанием. В мифе, ритуале человек совершает партиципацию, приобщение, проекцию себя на чудодейственную силу предков. Мифические об-

разы вызываются не только внешними физическими, но внутренними физиологическими условиями и влечениями, психическими структурами (по К. Юнгу). Архаическое мышление является психологической проекцией на мир собственных представлений, от которых отказывается рациональное мышление. Мифическое мышление носит не операциональный формально-логический, а вероятностный характер, для него характерны опытно-эмпирическая аналитичность, отсутствие развитой рефлексивно-критической установки, обход противоречия. Специфика первобытной логики состоит в том, что она идет к цели не прямо и непосредственно, а окольным путем («бриколлажем»), перетасовывая, переставляя имеющиеся символические элементы, выделяя противоположности («бинарные оппозиции»).

Чувственно-эмоциональное, иррационально-физиогномическое отношение первобытного человека к миру, осознание опасности некоторых явлений и вещей явилось, очевидно, одной из причин возникновения запретов, предписаний, ритуалов, табу как предпосылок формирования первобытной культуры, т. е. становления человеческого общества. Мифы, обряды и ритуалы в архаическом обществе становились формами соотношения мифического субъекта с образцами первобытной культуры, они предписывали человеку определенные нормы и ценности. В первобытном обществе закладываются основы человеческой цивилизации, здесь изобретается практически все, что для сотен последующих поколений будет выглядеть совершенно естественным (семья, власть, нормы и правила поведения и т. д.). Табу, запреты, предписания начинают играть роль коллективной воли, зарождающейся морали как формы самосознания общества. Мифы выступали «средством» поддержания природного и социального порядка, утверждали принятую в данном обществе систему ценностей, санкционировали определенные нормы поведения. Поэтому миф является не просто аллегорическим, символическим рассказом или повествованием. Он переживается мифическим сознанием подобно устному «священному писанию», как действительность, влияющая на мир и человека.

Защитная функция мифа, ритуала проявлялась не только во взаимодействии человека с миром, но и с самим собой. Миф представлял собой синтез бессознательного с сознанием в познавательном акте, в нем преодолевались противоречия сознания с бессознательным архетипическим основанием. В этом состояла цельная суть ритуалов, церемоний, обрядов, культа, которые были направлены на сохранение традиций как средств защиты, унаследованных от предков.

Таким образом, архаический миф представлял собой аксиологический императив, обуславливающий поведение индивида в рамках определенных предписаний запретов, табу, направленных на приобщение к чудодейственной силе предков, героев, духов людей и вещей, на их благоприятное, а не губительное проявление. Этим определяется социокультурный аспект мифического мышления, его роль и значение в становлении и развитии общества, сохранении и передаче традиций.

Миф являлся также средством включения человека в социальную реальность, ее конструирования и поддержания, не только специфической формой отражения природы, выражения психики, но и проекцией складывающихся социальных отношений. Несмотря на различные подходы к вопросу о путях становления и развития человека, общества, культуры, общепризнанной является синкретическая роль мифов, обрядов и ритуалов в социализации личности. Слитность архаического человека с обществом, своим племенем, длительное невыделение себя из социума отразились в предперсональности культурных героев мифов, которые, несмотря на их индивидуальную исключительность, моделируют становящийся социум, олицетворяют деятельность, совпадающую с общими интересами и целями, тогда как осуждаемая индивидуация отражается в антигерое, трикстере, мифическом плуте.

Больше того, можно предположить, что в единстве безудержной фантазии и жесткой социальной регламентации запретов, табу архаическим индивидом была интуитивно угадана наиболее близкая к оптимальному варианту форма организации общества, основанная, с одной стороны, на свободе, с другой – на ее ограничении.

Особенности мифического мышления позволяют понять некоторые черты восприятия и воздействия рекламы [5, р. 23]. В рекламе так же, как и в мифе, чрезвычайно важна интерпретирующая функция когнитивного процесса, ведущая к субъективному переживанию и подражанию. Для некоторых моделей познавательных процессов в рекламе также характерны опытно-эмпирическая аналитичность, отсутствие рефлексивно-критической установки, обход противоречия. Как и в первобытной логике, рекламное воздействие порой происходит не непосредственно, а «бриколлажем», через перестановку различных символических элементов рекламы [3, с. 47].

Синтез бессознательного и сознательного в познавательном акте, свойственный мифу и позволяющий избежать их враждебной оппозиции, раскрывает еще одну грань рекламного воздействия. Можно согласиться с Роланом Бартом, что предназначение мифа состоит в очищении опыта от случайного, он делает вещи «безобидными, находит им обоснование в вечной и неизменной природе, придает им ясность... Он творит мир без противоречий, потому что в нем нет глубины, и располагает его перед нашими глазами во всей его очевидности, безмятежной ясности; кажется, что вещи значат что-то сами по себе» [1, с. 28–29].

Древний миф был, как отмечалось выше, средством социокультурной регуляции и трансляции культурного опыта. Популярная культура и реклама, как ее наиболее динамичная сфера, унаследовали эти функции мифа. Современная мифология охватывает широчайший круг социальных, экономических и даже политических явлений, верований, ценностей, предрассудков, стереотипов и различные мыслительные процессы.

Массовая культура возникает на пересечении различных сфер – экономики, политики, идеологии, принимает на себя функции различных социальных институтов. Она становится основным средством социорегуляции и передачи культур-

ного опыта в условиях глобальной урбанизации и разрушения традиционных связей. В орбиту ее влияния вовлекаются самые различные стороны жизнедеятельности человека: от идеологических предпочтений до стиля жилья, от одежды до форм интимной жизни. Массовая культура становится главным инструментом культуронаследования и поддержания традиций. Она приняла на себя часть традиций классического реалистического искусства (жизнеподобие и тяготение к массовости) и часть функций религии, которая связана с гармонизацией психической жизни людей. Компенсаторно-развлекательное начало стало преобладать над просветительскими установками.

Другим общим признаком массовой культуры и рекламы является жизнеподобие. Жизнеподобие – основа простоты восприятия – превращается в средство создания иллюзорной реальности, подмены действительности вымыслом. Массовая культура и реклама основаны на простых, апробированных всем предшествующим развитием искусства художественных приемах. Язык массовой культуры прост для понимания, основан на универсальных психофизиологических механизмах восприятия. Она обращена к огромной аудитории, поэтому использует среднюю языковую норму, должна обладать сюжетной занимательностью и обеспечивать удовлетворение ожиданий, радость узнавания. Поэтому в массовой культуре непреложно действует закон чистоты жанров, которые представляют собой замкнутые системы с определенным языком и стандартным набором сюжетов.

Массовая культура в XX веке заменила фольклор, который тоже в синтаксическом плане построен жестко. В.Я. Пропп в знаменитой работе «Морфология сказки» показал, что в волшебной сказке всегда присутствует одна и та же синтаксическая структурная схема, которую можно формализовать и представить в логических символах [2, с. 18].

Повторяемость – это грань мифического отражения мира, которая причудливо проявляется в современной культуре. Архаический миф нарративен, описателен, современный миф визуален. Во многом благодаря кинематографу, телевидению и рекламе он обретает достоверность зрительного образа. В нем осуществляется актуализация архетипа в различных символических формах. По выражению Х.М. Маклюэна, массовая культура погружает человека в мир «молчания и бессознательного» [4].

И, наконец, своеобразие массовой культуры и рекламы ярко проявляется в их коммерческом характере, который приобретает социокультурный смысл. Еще в конце XIX века Т. Веблен назвал американцев нацией «выдающихся потребителей», которые покупают вещи не потому, что они нужны, а как символ престижа и социального статуса. В середине XX века Дэвид Рисмен проанализировал особенности социализации личности в потребительском обществе. Возрастает роль внешних регулятивов социализации, что влечет за собой конформизм, утрату индивидуальности, рост потребительского сознания [6, р. 43].

В современном обществе, где человек, как правило, не имеет контроля за производственной деятельностью, потребление становится важнейшей формой

социальной и культурной идентификации, ведущей формой деятельности, и в то же время сущностной чертой экономики. Свобода потребления создает иллюзию свободы индивидуального выбора, несмотря на массовость потребления. Любой акт покупки связан с принятием решения, осознанным выбором. Потребление приобретает смыслообразующее значение, становится целью существования. Одновременно консьюмеризм, будучи актом вполне индивидуальным, представляет собой вид социально одобряемой деятельности, позволяет человеку осуществить свои социальные и экономические притязания и роли. Массовая культура и ее артефакты (в их числе реклама) создает ту среду, которая, в конечном счете, определяет индивидуальный выбор.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Барт Р.** Мифология // Барт Р. Избранные работы. М.: Наука, 1989. С. 28–29.
2. **Кириллова Н.Б.** Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Спутник+, 2005.
3. **Маклюэн Г.М.** Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: Канон-Пресс-Ц, 2003.
4. **Пропп В.Я.** Морфология сказки. М.: Мысль, 1965.
5. **Fine G.** The Psychology of Cigarette Advertising // Journal of Popular Culture. 2001. № 3. Pp. 21–28.
6. **Riesman D.** The Money Crowd. New Haven and London, 1967.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мамедова Наталья Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии Российского государственного экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: natmam@yandex.ru.

CULTURAL MYTH CREATION: ADVERTISING AND MASS CULTURE

Mamedova N.M.

The author analyzes feature details and the ways of influence of archaic myths on modern myth making in advertising and mass culture as a whole. The author proves the provision that the myth was the means of inclusion of the person into social reality, its designing and maintenance, not only with a specific form of nature reflection, mentality expression, but also with a projection of the developing social relations. The ancient myth was the means of sociocultural regulation and cultural experience sharing. A conclusion is made that mass culture and advertising have inherited these functions of the myth as its most dynamic sphere.

Key words: advertising, mass culture, spiritual production, myth creation, crisis of spiritual culture.

REFERENCES

1. **Bart R.** Mifologiya // Bart R. Izbrannyye raboty. M.: Nauka, 1989. S. 28–29. (In Russ.).
2. **Kirillova N.B.** Mediakul'tura: ot moderna k postmodernu. M.: Sputnik+, 2005. (In Russ.).

3. **Maklyuen G.M.** Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka. M.: Kanon-Press-TS, 2003. (In Russ.).
4. **Propp V.Ya.** Morfologiya skazki. M.: Mysl', 1965. (In Russ.).
5. **Fine G.** *The Psychology of Cigarette Advertising* // Journal of Popular Culture. 2001. № 3. Pp. 21–28.
6. **Riesman D.** The Money Crowd. New Haven and London, 1967.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mamedova Natalya Mikhailovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the History and Philosophy Chair, Plekhanov Russian State Economic University. E-mail: natmam@yandex.ru.

УДК 304.2+004.55

СПЕЦИФИКА ВЕБ-МЕДИАТЕКСТА

Д.Е. КРАСНЯНСКИЙ

Статья посвящена актуальному вопросу развития современных средств массовой информации, а именно бурному становлению цифровых и сетевых форматов медиа. Проанализированы взаимоотношения между новыми формами медиатекста, представленными в сетевых ресурсах интернета и информационных системах, охарактеризовано влияние инновационных форм медиа на становление нового постмодернистского типа общества и человека. Показаны особенности и этапы становления новой медиасферы. Дан анализ медиатекста интернета, феномена интернет-СМИ, электронного гипертекста, рассмотрена блогосфера как современная форма информационного воздействия. Проанализированы ключевые характеристики новой виртуальной медиасферы.

Ключевые слова: средства массовой информации, цифровые медиа, web-медиатекст, интернет-СМИ, электронный гипертекст, блог, виртуальная медиасфера.

Понятие медиатекста (от лат. *media* – средство, посредник, ткань; *textus* – связь, сплетение, сочетание) возникает в XX веке, когда интерес к коммуникации становится массовым и интенсивным. Именно в это время происходит бурный рост средств массовой информации, которые дополнительно стимулировали интерес исследователей из самых разных сфер знания к этой тематике.

Необходимо отметить, что именно на рубеже XIX и XX веков происходит очередной коренной переворот, который с полным правом может быть назван «коммуникативной революцией», – возникают технические средства, которые становятся прекрасной платформой для новых медиа. Самыми важными из них были кинематограф и радио. Как следствие, доминирование, можно даже сказать господство, печатного текста, которое стало результатом изобретения Иоганном Гуттенбергом типографского станка с подвижными литерами в середине XV века, способствовало распространению печатного текста среди масс грамотных людей как ведущей формы медиатекста позднего Средневековья и Нового времени. Как показал анализ М. Маклюэна, это привело к революционным изменениям не только в средствах и формах коммуникации, но и революционным изменениям в самом человеке и обществе [3].

С полным правом можно было говорить, что одним из фундаментальных изменений, которые стали очевидными и наглядными, правда ближе к XVII, XVIII столетиям, явилось формирование (воспитание, «образовывание») «нового» европейского человека в противовес «средневековому» и складывание «нового» общества – буржуазного, «прогрессивного», «нового», опять-таки в противовес «старому», «феодальному».

Медиатекст интернета возникает сравнительно недавно и теснейшим образом связан со становлением нового технического средства массовой коммуникации – сети Интернет. Одним из центральных понятий, описывающих особенности

данного вида медиатекста, является термин «электронный гипертекст». Именно он отражает форму существования интернет- (сетового, виртуального, компьютерного, веб-) дискурса. И в последние годы является предметом пристального внимания исследователей.

Например, И.А. Ильина приходит к выводу, что «текст в мультимедийной среде Интернет – это особая семиотико-лингвистическая вариация массмедийного текста, реализуемая в виде гипертекста; гипертекст продолжает оставаться текстом в традиционной трактовке с лингвистической и филологической точек зрения, соответственно гипертекстовые медиаресурсы являются семиотико-лингвистической вариацией массмедийных текстов» [1]. То есть, иными словами, сеть Интернет в целом является современным медиаресурсом.

Правда, возникает проблема: все ли тексты, имеющие бытование в интернете, следует считать медиатекстами? Теоретики СМИ и медиологи придерживаются разных подходов относительно этой проблемы. Хотя вполне разумным является такой подход: если тексты обладают медийными функциями – это медиатексты, если нет – то, соответственно, нет. Например, электронные транзакции, файлообменные сети или виртуальные платежные системы, очевидно, не имеют медийных функций и, следовательно, не могут являться медиатекстами.

Отсюда вытекает следующая важная проблема. Если вне Сети, в оффлайне, медиасфера – это вполне определенный фрагмент реальности, с очевидными границами, то где проходит граница между медиа- и немедиатекстами в интернете? Очевидным является то, что содержанием интернет-СМИ являются медиатексты. А значит, такой большой сегмент Сети, как интернет-СМИ, несомненно, является медиасферой, содержанием которой являются медиатексты.

Ученые, ведущие исследования в области коммуникативистики, предлагают использовать термин веб-медиатекст для обозначения медиатекста, существующего в гипертекстовом пространстве. Во-первых, он содержит указание на тип медиаканала: «веб» является маркером принадлежности к коммуникативной среде Всемирной паутины (веб-издание, веб-дизайн и т. д.). Во-вторых, отражает важную особенность рассматриваемых текстов: все они существуют в рамках сервиса WWW (веб), являющегося частью интернета.

Как известно, интернет состоит из множества взаимосвязанных компьютерных сетей и обеспечивает удаленный доступ к компьютерам, электронной почте, доскам объявлений, базам данных, дискуссионным группам и т. д. Интернет – это только носитель, аналогичный, например, бумаге. Сам по себе интернет децентрализован и не является средством массовой информации. Это информационная медиасреда, в которой возможно существование различных ресурсов.

Одним из таких ресурсов, наряду с FTP, ICQ, e-mail, является WWW – служба глобального соединения. Технология WWW стала настолько популярной, что многие даже отождествляют ее с самой сетью Интернет. Нужно подчеркнуть, что большая часть информационных документов, в том числе собственно сетевые

издания, используют для трансляции именно службу WWW. Сама технология WWW состоит из следующих компонентов:

- 1) языка гипертекстовой разметки документов HTML (Hyper-Text Markup Language);
- 2) универсального способа адресации ресурсов в сети URL (Universal Resource Locator);
- 3) протокола обмена гипертекстовой информацией HTTP (HyperText Transfer Protocol).

Особенность технологии WWW состоит в том, что она позволяет объединять в одном структурированном документе (веб-странице) информационные элементы различного происхождения: текст, звук, изображение. А также включать в любой документ ссылки на другие документы, расположенные в произвольных местах сети (гиперссылки). Набор веб-страниц, связанных между собой семантически, навигационно и предназначенных для достижения единой цели, называется веб-сайтом. WWW-технология является также связующим звеном и между другими службами интернета: гиперссылки осуществляют переход не только на документы, специфичные для самой WWW, но и на прочие сервисы и информационные ресурсы интернета. Таким образом, программные средства WWW являются универсальными для различных служб сети.

Интернет – больше чем СМИ, а интернет-СМИ – это один из видов ресурсов интернета. Развитие сети Интернет привело ее к следующему состоянию. Интернет сегодня – это особая коммуникативная среда (медиафера), в которой постоянно возникают специфические массмедиа.

Одним из краеугольных составляющих в этом процессе являются интернет-СМИ. Они институированы как самостоятельный компонент системы СМИ, наряду с печатной прессой, телевидением, радио. Но интернет-СМИ – это не единственная структура виртуальных массмедиа. Сегодня активно развиваются социальные медиа, а также интернет-медиа нежурналистского характера.

Ключевым отличием веб-издания от сетевого издания является наличие трех признаков: гипертекстуальности, интерактивности и мультимедийности, а от нежурналистского интернет-ресурса – присутствия на нем журналистского контента.

Веб-медиа, будучи феноменом информационного общества, в последнее время не только растут количественно (в среднем на 30–40 % в год по данным Минкомсвязи РФ), но и претерпевают качественные изменения. Из узкоспециализированной компьютерной технологии интернет вырастает в специфическую среду, в том числе для журналистского творчества, становится неотъемлемой частью современной культуры.

Как определяют теоретики СМИ этот новый феномен? В первую очередь веб-издания – это профессиональные медиа, гипертекстовый интерактивный ресурс, являющийся частью глобального информационно-коммуникативного пространства, с размещаемыми на нем журналистскими материалами. Отличительной

особенностью веб-СМИ является также фиксированная периодичность выпусков информации, их техническая и содержательная общедоступность.

Интернет-СМИ обладают всем набором признаков, позволяющих относить их к разряду средств массовой информации. Специфические признаки, которыми они обладают, – это гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность. Исследователи указывают еще на ряд качеств, которые присущи феномену веб, вследствие чего интернет-СМИ также имманентно ими обладают: небывалая оперативность, до которой очень далеко как печатным СМИ, так и радио, и телевидению; открытость (ведь сеть – это принципиально открытая система, доступ к которой может получить любой человек, имеющий выход в интернет); децентрализация; доступность и географическая независимость; измеримость; персональный подход; дешевизна.

Веб-медиа текст зависит от реализованности указанных выше признаков. Их результирующей является контент – любое информационно значимое наполнение сервера, информационного комплекса – тексты, графика, мультимедиа. Он организуется в виде страниц средствами гипертекстовой разметки. Важными его чертами являются объем, актуальность, релевантность.

Специфика контента также связана с логическим дизайном или архитектурой сайта, т. е. тем, как структурирован контент в веб-пространстве.

Кроме того, специфика контента определяется жанровыми, лингвостилистическими особенностями размещаемых текстовых материалов.

Гипертекстуальность как дифференциальный признак интернет-журналистики не существует вне электронного гипертекста. Определение «гипертекста» дал американский программист и философ Тед Нельсон, который писал, что «гипертекст – это форма письма, которое ветвится или осуществляется по запросу» [2]. Фактически это нелинейное письмо, что является революционным прорывом из привычной для человека «Вселенной Гуттенберга».

Ключевую роль в гипертексте играют гиперссылки. Гиперссылки – дифференциальный признак гипертекста, организующий его структуру и обеспечивающий функциональность – навигацию.

Гиперссылка связывает технически и семантически исходный элемент гипертекста – тот, в котором размещается ссылка (это может быть все что угодно, например, текст или страница и т. п.), объект назначения ссылки (тот элемент, который открывается при ее активации (текст, картинка, видео- или аудиоматериалы) и форму ссылки. Любой элемент может быть оформлен в виде ссылки: текст, фотография, таблица, схема, рисунок, аудио-, видеоматериал.

В интернет-СМИ используются различные виды гиперссылок: контент-ссылки, ссылки-рубрики, текстовые ссылки, внутритекстовые, внетекстовые, источниковые, ретроспективные, референциальные, детализаторы, сервисные, коммуникационные, рекламные.

Таким образом, веб-медиатекст – это и контент, т. е. все содержательное наполнение (журналистские материалы, если речь идет об интернет-СМИ), и контент-ссылки, т. е. гиперссылки, связанные с журналистским контентом.

Можно отметить принципиальное отличие интернет-медиа от других СМИ. Это возможность самостоятельного выбора раздела, статьи, автора, объема, глубины, подробностей и подобного, т. е. информационная свобода и независимость адресата. Читатель или пользователь волен сам решать, какую рубрику или раздел выбрать, какую новость избрать приоритетом, какие детали уточнить, куда дальше перейти. Контент-ссылки помогают пользователю ориентироваться и осуществлять навигацию в информационно-новостном пространстве веб-СМИ.

Таким образом, достигается высочайшая степень персонализации потребления медиа. Можно сказать, что, пользуясь содержанием веб-медиа, человек формирует свой персональный мир, обладающий большей степенью индивидуальности, чем при потреблении продуктов иных СМИ.

Важным моментом, обеспечивающим специфику веб-медиатекста, является то обстоятельство, что особенностью интернета как канала коммуникации и особенностью его восприятия является его «экранность». Потребитель, получая веб-медиатекст, вынужден пользоваться экраном монитора компьютера или телевизора, мобильного телефона или любого иного электронного устройства. Этим обуславливается отличное поведение пользователя сетевых медиа от поведения читателей традиционной прессы. Для интернет-пользователя характерно беглое чтение, его «отрывистость», фрагментарность, «подрыв» линейного способа восприятия сенсорного материала.

Действительно, гипертекст не читают, а просматривают. Специалисты указывают на ряд причин этого. Во-первых, гипертекстовый характер среды и огромные массивы информации, из которых пользователь вынужден отбирать именно то, что ему нужно. Именно этот подход описывается термином «серфинг» – передвижение хаотичное, но подчиненное заданной цели. Во-вторых, опасность когнитивной перегрузки. Она связана с тем, что процесс чтения электронного гипертекста, в отличие от линейного, сопряжен с множеством иных действий, которые вынужден осуществлять человек. Отсюда задействованность множества когнитивных процессов: классификация, систематизация, распознавание образов, что и вызывает когнитивную перегрузку.

«Экранность» влечет за собой и такую проблему, как визуальное восприятие информации из интернет-источника. Исследования показали, что чтение с экрана монитора происходит примерно на 25 % медленнее, чем при чтении печатного текста. Поэтому чтение с экрана монитора сильно утомляет и вызывает стрессовые ситуации. Отсюда стремление «быстро» просмотреть текст, охватывая его по «диагонали», фиксируя свое внимание на ключевых словах, фразах, предложениях, абзацах.

Особенностью веб-медиатекстов является и то, что общепринятой типологии жанров веб-публикаций не существует. Проблема коренится в том, что раз-

мывание жанровых границ для виртуального пространства является крайне актуальным. Это вызвано, с одной стороны, тем, что в интернет-среде постоянно появляются какие-то новые технические устройства («железо»), которые обуславливают специфику содержательного «наполнения» (контента), с другой стороны, перманентным появлением новых форматов, которые тоже влияют на жанровую природу материалов.

Во-вторых, нужно учитывать специфику бытования медиатекстов. Виртуальное пространство – это присутствие всего во всем. Отсюда черты традиционных медийных жанров можно найти в любой сетевой публикации или тексте. Кстати говоря, здесь возникает и такой феномен, как «пользовательский контент», когда любой интернет-пользователь может быть и автором медиатекстов.

В-третьих, один и тот же текст является и просто текстом, и частью гипертекста. К тексту, выведенному в оффлайн, всегда можно применить какую-либо классификацию жанров. В гипертексте же каждый элемент лишь в связи с другим приобретает и содержание, и форму, т. е. становится смыслосодержащим текстом, но состоящим из разножанровых фрагментов.

Таким образом, эта особенность приводит к тому, что гипертекст побуждает к движению от одного окна к другому, формируя индивидуальную текстовую сборку в текстологическом пространстве.

Особую специфику в виртуальном пространстве имеет и такой феномен, как новости. Во-первых, для них в интернет-среде характерен гипердинамизм. Фактически мы становимся их свидетелями ровно в тот момент, как они размещаются в сети.

Во-вторых, они более лаконичны, чем в «бумажном», или «телевизионном», или «радийном» варианте.

В-третьих, в интернете особо «стремительное» течение времени. И в этом плане новость «функционирует» в сети с особой оперативностью.

Одним из генераторов веб-медиатекстов являются блоги. Блог – это сетевой журнал, который состоит из записей в обратном хронологическом порядке. По форме блог – это страница с короткими записями следующего формата: ссылка на место в сети и небольшой, часто подчеркнуто субъективный комментарий. Блог – это информационно наполненный дневник, т. е. одна из форм авторского проекта. Возникнув первоначально как личный журнал, все же блог выполняет функции средств массовой информации.

Блогеры претендуют на новый подход к структурированию и управлению информационно-смысловыми потоками. Они совершенно по-другому, по сравнению с традиционными СМИ и выросшими из них интернет-СМИ, селективируют информацию и подают ее своим читателям. Можно сказать, что именно блогеры дали толчок такому явлению, как «гражданская журналистика».

Можно выделить основные элементы, привлекающие пользователей к блогосфере. Например, главная задача блоггового сообщения – это коммуникативная цель, реализуемая посредством информационной и контактной функции. В ос-

новном в блоге обсуждается или излагается определенная тема или проблема, которая приводит к дискуссиям.

Язык постов и комментариев имеет ярко выраженный разговорный характер. Разговорность отражается в лексических, синтаксических и невербальных средствах. Для выражения экспрессии часто употребляются просторечные и разговорные слова.

Наконец, специфическим средством передачи эмоционального отношения, экспрессивных значений, мимики и жестов являются смайлики и прочие эмодзи.

Блог нацелен на особую эмоциональность, адресность и диалогичность. Во многом это связано с тем, что блог – это открытый и публичный документ, который объединяет свойства личного и общественного. В результате создается субъективное пространство, интегрирующее авторское «я» в сообщество глобальной сети.

Таким образом, можно констатировать, что виртуальная медиасфера, концентрированным выражением которой является веб-медиа-текст, способствует формированию нового, «постмодерного» общества и адекватного ему «постмодерного» человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Зефирова В.Л., Челноков В.М.** История Гипертекста // Эврика! Научный портал.
2. **Ильина И.А.** Проблемы изучения и восприятия гипертекста в мультимедийной среде Интернет: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2009.
3. **Маклюэн М.** Понимание медиа. М.: Кучково поле, 2014.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Краснянский Дмитрий Евгеньевич, кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью Московского государственного технического университета гражданской авиации (МГТУ ГА). E-mail: vitginst@gmail.com.

PECULIARITY OF THE WEB MEDIA TEXT

Krasnyansky D.E.

The article is devoted to the topical issue of the modern mass media development such as the rapid development of new, digital and network media formats. The author has analyzed interrelations between new forms of media text presented in the Internet resources and in the information systems, he has described the influence of innovative forms of media on the formation of a new postmodern society and man in general. The features and stages of new media sphere formation are given. The author has analyzed the Internet media text, the phenomenon of Internet media, electronic hypertext, he has considered the blogosphere as a modern form of information influence. The key characteristics of the new virtual mass media sphere are scrutinized.

Key words: mass media, digital media, web media text, Internet media, electronic hypertext, blog, virtual media sphere.

REFERENCES

1. **Zefirova V.L., Chelnokov V.M.** *Istoriya Giperteksta* // Evrika! Nauchny Portal. (In Russ.).
2. **Iina I.A.** Problemy izucheniya i vospriyatiya giperteksta v multimedijnoi srede Internet: avtoref. dissert. ... kand. filol. n., M., 2009. (In Russ.).
3. **Mcluhan M.** *Ponimanie media*. M.: Kuchkovo pole, 2014. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krasnyanskiy Dmitry Evgenevich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Public Relations Chair, Moscow State Technical University of Civil Aviation (MSTUCA). E-mail: vitginst@gmail.com.

УДК 304.2+396.1

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

А.Е. ДЕМЕНТЬЕВА

В статье дан анализ современной гендерной ситуации, определяемой спецификой социальных условий, необходимых для реализации маскулинных или феминных претензий человека. Автор дает характеристику гендерных ролей современного общества, выделяет факторы, обуславливающие их динамику. Обосновано место в решении гендерной проблемы гендерной социализации, обеспечивающей преодоление кризиса гендерных ролей, проанализировано значение образования для полового просвещения молодежи, обеспечения равенства полов в обществе.

Ключевые слова: гендер, гендерные роли, равенство полов, феминизм, гендерная социализация.

В исследовании и разрешении некоторых современных социальных и межличностных проблем немаловажное значение имеет гендерный подход, то есть анализ социальных ролей, выполняемых женщинами и мужчинами в системе общественных отношений. Гармония, целостность общества во многом поддерживается взаимодействием мужского и женского начал. Однако в истории нередко этот баланс нарушался в пользу одного из полюсов, вследствие чего можно говорить о мужском («культура-логос») и женском («культура-эйдос») исторических типах общества [1, с. 152]. Исследователи отмечают, что «основным носителем культуры-эйдоса традиционно выступала женщина. По мере того как патриархальным логосом была выработана мифология несущественности, отсталости, невежественности эйдоса, женщина оказалась вторым полом. Чтобы стать агентом цивилизации, ей оставалось заимствовать социальные стереотипы грубой половины логизированного человечества. Эмансипация привела ее к маскулинизации и вместе с тем к практическому признанию своего поражения. Это лишь обострило гендерную проблему» [2, с. 115].

Гендерная наука настолько молода, что многие ее базовые категории нуждаются в современном осмыслении и уточнении содержания. К ним относится категория «гендерная роль». Тем более что на наших глазах происходят радикальные изменения содержания гендерных ролей.

Идея о том, что общество развивается на основе реализации социальных ролей, высказывалась многими известными мыслителями, такими, например, как Конфуций или римский философ-стоик Эпиктет (I–II вв. н. э.), который, сравнивая человека с актером, писал: «Не забудь – ты актер и играешь в пьесе роль, назначенную автором. Даст он тебе роль нищего – старайся вернее создать его тип, как тип калеки, высшего правительственного лица или частного человека».

В. Шекспир словами одного из героев писал: «Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры. У них свои есть выходы, уходы, и каждый не одну играет роль».

В социологии термин «роль» в научный оборот ввели в 20–30-е годы XX века американские исследователи Д. Мид и Р. Линтон.

Современные социологические теории определяют категорию «социальная роль» как:

- 1) поведение, которое ожидается от человека, имеющего определенный социальный статус;
- 2) совокупность норм, определяющих поведение индивидов;
- 3) модель поведения, объективно заданная позицией личности в системе общественных и межличностных отношений;
- 4) динамический аспект социального статуса.

Социальные роли могут быть описаны с помощью пяти основных характеристик:

- 1) эмоциональность (для ряда профессиональных ролей);
- 2) способ получения – одни предписанные (к ним относятся роли, например гендерные, обусловленные возрастом и подобным, другие – достигнутые (например, те, которые выполняются в связи с той или иной профессией);
- 3) масштаб – одни роли строго ограничены определенными аспектами взаимодействия людей и конкретно сформулированы, другие – размыты;
- 4) формализация – действия в соответствии с установленными правилами либо произвольные;
- 5) мотивация – разные роли обусловлены различными мотивами.

Любая роль характеризуется определенным сочетанием этих характеристик. В настоящее время все шире распространяется мнение о том, что практически нет качеств, которые могут считаться только женскими или мужскими.

Овладение личностью той или иной социальной ролью происходит в процессе социализации под влиянием социокультурной среды, средств массовой коммуникации, а также вследствие влияния правил внутреннего распорядка и должностных инструкций различных государственных институтов и учреждений.

Данные отечественных и зарубежных исследований показывают, что незнание содержания различных социальных ролей, в частности должностных инструкций, крайне негативным образом сказывается на состоянии людей и нередко провоцирует конфликты.

Но даже полное знание человеком содержания социальной роли само по себе еще не вызывает желания ее выполнять. Качество выполнения в значительной мере зависит от того, насколько он понимает ее специфику и в какой мере данная роль им принимается и усваивается, то есть интернализируется. Интернализованная роль – это не просто согласие с требованиями той или иной роли, но осознание ее и моральная готовность принять ее и соответствующие ей обязанности [3, с. 153].

Иногда личность на пути к выполнению той или иной роли оказывается в конфликтной ситуации. Ролевые конфликты бывают нескольких типов:

- 1) личностно-ролевой – когда субъективное «Я» вступает в конфликт с предписаниями социальной роли;
- 2) межролевой – предписания различных ролей препятствуют их успешной реализации;
- 3) внутриролевой – личность обнаруживает несовместимость ожиданий различных групп к выполняемой ею роли и не знает, каким из них должна соответствовать.

Реакцией личности на ролевой конфликт может стать отказ от выполнения какой-либо из ролей, попытка ввести в заблуждение других людей в отношении выполнения их ожиданий, наконец, уход от данной ситуации (перемена места работы, жительства, развод и т. п.) Ролевые конфликты приводят к повышению степени напряженности личности со всеми присущими этому состоянию физиологическими и психологическими проявлениями вплоть до болезни. Такое состояние называется «ролевым стрессом». Одной из причин стресса может быть и ролевая перегрузка, которая наблюдается, когда человек должен выполнять слишком много социальных ролей. Это требует не только времени, но и способности к гибкой социально-психологической перестройке при переходе от выполнения одной роли к другой.

Конфликты могут быть также вызваны ролевой недогрузкой, когда человек считает, что он не в полной мере проявляет способности при выполнении той или иной роли.

Обобщая современные теоретические представления о выполнении личностью социальных ролей, следует отметить следующее: важными предпосылками успешного выполнения являются знание содержания своей роли, ее интернализация (согласие с ее требованиями), соответствие ролевых предписаний концепции личности. К этому следует добавить необходимость соответствующих мотивов, так как именно они являются той внутренней побудительной силой, которая направляет людей к выполнению определенных социальных ролей.

Во всем мире уже в течение столетия идет процесс размывания традиционных гендерных ролей и формирование новых. Эти процессы обусловлены такими социальными факторами, как активный выход женщин на рынок рабочей силы, получение ими гражданских прав и свободы, а также достижения медицины, позволившие контролировать рождаемость. Эти и некоторые другие причины, предопределили значительные сдвиги в общественном сознании и социальной практике, что, в свою очередь, выразилось в таких проявлениях, как феминистское движение, сексуальная революция, подрыв основ патриархата и т. д.

В России, стране со сложной революционной историей, в настоящее время протекает процесс реконструкции всех сфер общественной жизни, что в свою очередь предполагает ресоциализацию личности, т. е. освоение новых жизненных ценностей и нередко переосмысление прежних представлений даже по таким вопросам, как содержание гендерных ролей. Вследствие этого в России, как и в других странах, неизбежно возникают так называемые гендерные асимметрии.

Гендерные асимметрии – это неравенство в социальном положении полов, неравенство шансов мужчин и женщин в различных социальных сферах, обусловленное традиционными представлениями об их предназначении. Гендерные асимметрии в различных странах своеобразны. Для современной России они проявляются в демографическом спаде, возрастающем кризисе традиционных семейных отношений, безработице, имеющей «женское лицо», феминизации бедности и старости, сокращении продолжительности жизни мужчин, росте в их среде заболеваний и алкоголизма, девиантного поведения.

Еще одним фактором, влияющим на изменение гендерных ролей в современном российском обществе, является то, что в условиях открытия в последнее время больших возможностей для самореализации личности, с одной стороны, имеет место высокий коэффициент невостребованности творческого потенциала огромного количества людей – с другой стороны.

В мужском социуме это может проявляться в нежелании искать работу, не соответствующую профессиональной квалификации, нежелании работать вообще, что нередко влечет за собой очень серьезные конфликты в семье и даже ее потерю.

В женском социуме такое противоречие проявляется в том, что из двух глобальных жизненных стратегий поведения, возможных в эпохе социальных трансформаций, – выживания и развития, женщины, как правило, выбирают наименее перспективную – выживания. Отсюда можно сделать вывод о недостаточной эффективности или невостребованности потенциала 53 % населения страны [4, с. 215].

В том, что современные российские женщины практически вытеснены из сферы политики, управления, бизнеса и науки, лишены доступа к финансовым и природным ресурсам и высокооплачиваемым рабочим местам, большую роль играют системы мотивации и ценностей общества, господствующие в массовом сознании стереотипы мужественности и женственности, статусные роли полов в обществе. Среди других факторов, влияющих на изменение гендерных ролей, можно назвать следующие.

1. Ломку традиционной системы гендерной стратификации, резкое ослабление поляризации женской и мужской социальных ролей.

Традиционное гендерное разделение труда потеряло жесткость и нормативность, большинство социальных ролей вообще не дифференцируется по половому признаку. Общая трудовая деятельность и совместное обучение в значительной степени нивелируют нормы поведения и психологии женщин и мужчин. Разумеется, все еще существуют преимущественно мужские и женские профессии, сохраняются различия мужских и женских ролей в семье и т. д. Но они все чаще воспринимаются не как проявление естественного порядка вещей, а как простой эмпирический факт или следствие индивидуальных различий, не обязательно связанных с полом.

2. Изменяются сами культурные стереотипы маскулинности и фемининности. Они становятся менее жесткими и полярными, внутренне противоречивыми,

что выдает их конструктивное происхождение. Традиционные черты в них переплетаются с новыми, значительно полнее учитывается разнообразие индивидуальных ситуаций. И, что особенно важно, они значительно чаще, чем раньше, отражают женскую точку зрения.

3. Серьезные трансформации происходят в брачно-семейных отношениях.

По мере того как старые экономические и социальные функции семьи (как производительной единицы, ячейки потребления, основной среды социализации детей и др.) ослабевают и приобретают подчиненное значение, увеличивается ценность духовной и психологической близости между членами семьи, будь то супружеские или детско-родительские отношения.

Брак все более становится индивидуально избирательным, заключается по свободному выбору в отличие от браков по расчету и обязанности. Но и устойчивость браков на основе психологической совместимости меньше. Растет вариативность брачных отношений, что соответствует росту ценности индивидуальности.

Общая тенденция, лежащая в основе трансформации семейно-брачных отношений, – изменение ценностных ориентиров, центром которых становится не семейная группа, а индивид. Эта переориентация затрагивает не только семейно-брачные, но и трудовые отношения, свободное общение, являясь результатом длительного исторического развития. Сдвиг в брачно-семейных отношениях, влияние акселерации закрепляются и передаются через изменения в системе гендерной социализации современных молодых людей.

В настоящее время, как отмечают исследователи, «гендерология выработала методологически плодотворное для философии положение о том, что в гендерном пространстве человека биологические характеристики дополняются психическими и социальными, причем социальное измерение может оформить структуру этого пространства в единое целое, но может явиться основанием для утраты самого пространства пола. Все более отчетливо проявляется идея, что человек, так или иначе, через разные виды деятельности преодолевая в процессе социальной жизни границы биологического пола, не может остаться только мужчиной или только женщиной, он генерирует в себе общечеловеческие качества, образуя антропологическое единство личности» [5, с. 52].

Все это приводит к выводу о том, что проблемы реализации гендерных ролей должны занять свое место в гендерных исследованиях и гендерном просвещении, что в свою очередь может лечь в основу разработки социальных программ, нацеленных на преодоление гендерных асимметрий и разрешение общественных конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазова С., Кертман Г. Женщины на randеву с российской демократией. М.: Гардарики, 2000.
2. Гаранина О.Д. Человек в поисках гендерной идентичности // Современные гуманитарные исследования. 2018. № 4. С. 51–55.
3. Гуревич П.С. Расколотовость человеческого бытия. М.: ИФРАН, 2009. 200 с.

4. **Кравченко А.И.** Социология: социальная динамика, социальная стратификация, социальные институты. М.: Академический проект, 2001.

5. **Разин Р., Волжанова О.** О коммуникативной культуре – эйдос: гендерный аспект // Коммуникативная природа человека. Первые петраковские чтения. Материалы Рос. Науч.-теорет. конф. Ижевск, 2006.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дементьева Антонина Евгеньевна, старший преподаватель кафедры связей с общественностью Московского государственного технического университета гражданской авиации (МГТУ ГА). E-mail: gspn@mstuca.aero.

GENDER ROLES IN MODERN SOCIETY: DYNAMICS OF CHANGES

Dementeva A.E.

This article deals with the analysis of the modern gender situation determined by specifics of the social conditions necessary for realization of masculine and feminine claims. The author gives the characteristic of gender roles of modern society, allocates the factors causing their dynamics. The role of gender socialization in overcoming the crisis of gender roles is substantiated; the relevance of education for sexual upbringing of youth, ensuring gender equality in society is analyzed.

Key words: gender, gender roles, gender equality, feminism, gender socialization.

REFERENCES

1. **Ajvazova S., Kertman G.** Zhenshchiny na randevu s rossijskoj demokratiej. М.: Gardariki, 2000. (In Russ.).

2. **Garanina O.D.** *Chelovek v poiskah gendernoj identichnosti* // Sovremennye gumanitarnye issledovaniya. 2018. № 4. S. 51–55. (In Russ.).

3. **Gurevich P.S.** Raskolotost' chelovecheskogo bytiya. М.: IFRAN, 2009. 200 s. (In Russ.).

4. **Kravchenko A.I.** Sociologiya: social'naya dinamika, social'naya stratifikaciya, social'nye instituty. М.: Akademicheskij proekt, 2001. (In Russ.).

5. **Razin R., Volzhanova O.** *O kommunikativnoj kul'ture – ehjdos: gendernyj aspekt* // Kommunikativnaya priroda cheloveka. Pervye petrakovskie chteniya. Materialy Ros. Nauch.-teoret. conf. Izhevsk, 2006. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dementeva Antonina Evgenevna, Senior Lecturer of the Public Relations Chair, Moscow State Technical University of Civil Aviation (MSTUCA). E-mail: gspn@mstuca.aero.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.612

**НОВАЯ ПАРАДИГМА ОБРАЗОВАНИЯ:
ПУТЬ К САМОУТВЕРЖДЕНИЮ ЛИЧНОСТИ****Т.Д. НЕВЕДОМСКАЯ**

В статье обоснована необходимость перехода к новой парадигме образования, ориентированной на развитие творческой личности, формирование у человека способностей к самостоятельному принятию решений. Автор утверждает, что новый вид образования должен конструироваться исходя из современных социальных реалий и учитывать стремление личности к самоутверждению в меняющемся, нестабильном мире. В статье определяются социально-психологические факторы и особенности самоутверждения личности. Рассмотрены формы взаимоотношения коллектива и личности, предложены рекомендации по управлению процессом самоутверждения личности в коллективе.

Ключевые слова: образование, социализация, воспитание, самоутверждение, личность, творчество.

Изменения, происходящие в настоящее время в образовании, вызваны глубокими изменениями общей ситуации в мире. Темп жизни за последние десятилетия ускорился во много раз; особенно интенсивно развиваются техника и информационные технологии. В этих условиях встает вопрос о новом типе образования, учитывающем тот факт, что человек должен приспосабливаться к жизни в постоянно меняющемся мире. Назрела необходимость в таком образовании, которое давало бы возможность каждому человеку на протяжении всей жизни реализовывать свои человеческие возможности независимо от политического устройства общества, экономической ситуации, в условиях быстро растущих изменений в области науки, искусства, в производственной сфере.

В истории образования сложились три парадигмы, конституирующие взаимодействие субъекта и объекта образовательного процесса, а также его предполагаемые результаты.

1. Парадигма образовательного администрирования, в основе которой лежит принцип обучения как наставления. Учитель выполняет роль «транслятора» традиции, знаний как незыблемых и абсолютных при всех условиях истин, установленных законами природы. Роль ученика сводится к принятию, усвоению этих истин, что позволяет вступающему в жизнь человеку быть полноценным гражданином общества, жить по установленным законам и чувствовать уверенность в завтрашнем дне, занимая свое место «среди равных». Образование, построенное по данной парадигме, не приветствует самостоятельность ученика в достижении знаний, отрицает критичность мышления.

2. Парадигма согласия (подражания), основой которой выступает воспитание «себе подобных», т. е. традиция «школ». Учитель является главным авторите-

том в своем направлении, действуя по принципу «делай как я». Ученик, подражая учителю и участвуя в духовной и практической жизни коллектива, получает «набор» ценностных ориентаций и установок, помогающих ему найти свое место, свою «нишу» в окружающей жизни. При данном типе образования индивид получает большую свободу выбора: как самого направления, так и метода постижения истины. Главным механизмом получения знаний становится не наставление, а подражание. Организация образовательного процесса по данной парадигме также не ориентирована на стимулирование творческого мышления, формирование самобытных мнений. Здесь возможно существование «пассивных» методов обучения: наблюдение, молчаливое вопрошание и т. п.

3. Парадигма творчества, основой которой выступает самореализация, саморазвитие; образование «вопреки» сложившейся системе общественного устройства. Такого рода явления возникали часто в эпохи «безвременья» и были скорее исключениями, чем сложившейся системой. Несмотря на отсутствие четких ориентиров, такие «зерна» давали хорошие «всходы»: человек, прислушиваясь к своему внутреннему голосу, зову природы и высших сил, благодаря концентрации воли, настойчивости, самоорганизованности, выполнял свое высшее предназначение.

Сейчас мы переживаем переломный момент в истории образования. Образование находится в кризисе, поскольку авторитарные методы признаны непригодными: «ЗУНовская» парадигма (т. е. парадигма, основанная на триединстве знаний, умений, навыков) неприемлема в быстро развивающемся обществе; традиции школ во многом утеряны – их сменила централизованная система государственных и частных образовательных учреждений, включенных в единое образовательное пространство (что также обусловлено тенденцией к сближению международных образовательных систем). Начинает преобладать третья модель, которая становится не исключительной возможностью отдельных личностей, а тенденцией, приобретающей новое осмысление. В образовании активно складывается новая так называемая «личностная» парадигма [4, с. 18].

Новая образовательная парадигма предполагает прежде всего акцент на творчестве как основе процесса обучения. Акцент на развитии интеллекта в ущерб развитию эмоциональной сферы «заглушает» первичное восприятие (подсознательное, целостное, метафорическое, детское, художественное), которое лежит в основе первичной креативности. Креативная личность, воспринимая мир эмоционально и эстетически целостно, приобретает цельность. Не случайно в академической и научно-популярной литературе сегодня активно обсуждается тема «эмоционального интеллекта», наличие которого делает человека открытым для коммуникации, восприятия нового [1, с. 156].

Главной целью образовательного процесса становится формирование целостной системы взглядов на мир, некоего «жизненного мира» (Гуссерль), мировоззрения, позволяющего осмысливать содержание презентуемых знаний в широком контексте имеющегося теоретического и практического опыта. Это важнее,

чем приобретающие в последнее время популярность в учебных заведениях методы предоставления свободы выбора педагога и альтернативных программ. Однако, как отмечается в научной литературе, «сегодня высшее техническое образование не в полной мере обеспечивает отход от традиционного дисциплинарного обучения, затрудняющего интеграцию естественно-научных, специальных дисциплин и философского знания, качественную философскую подготовку, соответствующую запросам современности. Слабость философской подготовки препятствует формированию такой ключевой для будущего специалиста компетентности, как способность к творческому мышлению, которая требуется Федеральными государственными стандартами по всем направлениям подготовки» [2, с. 20]. Только имея целостное представление о мире, систему ценностей, определив для себя, зачем я пришел в этот мир, только «приняв» этот мир, сделав его «своим», человек знает, во имя чего творит. Только тогда человек может сделать свободный выбор в профессиональном и нравственном плане. Система образования должна предоставить каждому сделать этот выбор. Человек должен знать, что ему дано право сделать свой выбор и он несет за это ответственность перед миром. Обретение смысла жизни, понимание своего сущностного предназначения создает целостную завершенность личности. Задача педагога – помочь каждому человеку найти свой путь. Только человек творческий, целостный способен выжить в быстро меняющемся мире, поскольку он, независимо от политических, экономических, социальных изменений, выполняет свое высшее предназначение Человека.

Акцент на самобытность личности, творческая установка, стремление к целостности, задача поставить формирование мировоззрения в центр образовательного процесса – таковы условия и содержание новой парадигмы образования, включающей изменение подхода к человеку как личности.

Задача формирования творческой личности в контексте новой образовательной парадигмы связана с решением проблемы социализации человека, обладающего критической интенцией, ориентированного на самостоятельность. В настоящее время в связи с ускорением темпов социального развития, обусловленных активной модернизацией всех сторон жизни социума, возрастает актуальность исследования проблем, расширяющих наши представления о механизмах социализации индивида [6]. Одним из них является самоутверждение, которое может осуществляться в различных формах, помогая человеку удовлетворить базовую потребность в творчестве, самореализации.

Самоутверждение понимается как процесс такого взаимодействия человека и социальной среды, в котором реализуется его стремление определенным образом проявить себя в деятельности по выполнению разнообразных общественных ролей и тем самым добиться как определенных результатов деятельности, так и соответствующей общественной и личной значимости [1, с. 43].

Условия и возможности для проявления и утверждения человеком своей индивидуальности зависят от уровня политического и экономического развития

общества, характера общественных отношений, степени развития гражданского общества, правовых оснований личностного развития. Наиболее благоприятными для действительного самоутверждения являются условия полного равенства и свободы людей. Наряду с социальными предпосылками самоутверждения личности большое значение имеют социально-психологические факторы, способствующие укреплению значимости и самооценности человека в обществе.

Самоутверждение личности связано со многими социально-психологическими факторами, и прежде всего с теми, которые характеризуют особенности проявления личности в социальной среде, – самоопределением в коллективе, авторитетом, лидерством, конформизмом и др. Самоопределение близко по содержанию и в отдельных случаях совпадает с самоутверждением личности [5].

Авторитет имеет две стороны – объективную (место в ролевой официальной структуре коллектива, знание и др.) и субъективную, зависящую от личностных характеристик. Исследование показывает, что в процессе самоутверждения личность нередко стремится достичь прежде всего объективного авторитета. Не случайно заметна разница в постановке ближайших целей у тех, чье самоутверждение проходит успешно, и тех, кому не удастся реализовать свою потребность в самоутверждении. Однако процесс самоутверждения может не совпадать с процессом приобретения и удержания авторитета: первый всегда предполагает активность личности, тогда как для второго достаточно наличия определенных личностных качеств. Более того, авторитет может возникнуть и помимо стремлений индивида.

Общая закономерность рассматриваемого процесса состоит в том, что человек стремится проявить и утвердить себя прежде всего в ведущих сферах деятельности, постоянно расширяя сферы приложения своих сил и возможностей. Многообразие сфер самоутверждения личности – показатель ее духовного богатства и возможностей.

Установлена и другая особенность процесса самоутверждения: он активизируется в условиях, требующих повышения сотрудничества, совместных, коллективных действий, увеличения контактов людей [2, с. 76]. Можно выделить три возможные формы отношения коллектива к личности:

- личность получает поддержку коллектива;
- коллектив индифферентен к индивиду, не оказывая ему ни поддержки, ни противодействия;
- коллектив отрицательно относится к личности.

Само собой разумеется, что для самоутверждения наиболее благоприятен первый вариант. Он, как правило, и имеет место в исследуемых условиях, реже встречается второй вариант и еще реже – третий. Чаще всего коллектив проявляет индифферентное отношение к тем, кто сам занимает пассивную позицию «сосуществования» с коллективом.

Может иметь место и противодействие коллектива по отношению к тем:

- кто пытается противопоставить себя коллективу,

- чьи личностные потребности, ценности, нормы, установки не соответствуют коллективным, групповым.

Названные потребности во взаимодействии с ценностными установками личности выступают как мотивы выбора целей, средств и способов самоутверждения. Наибольшее влияние на успех самоутверждения оказывает адекватность притязаний индивида его возможностям и требованиям социальной среды. Показателем уровня этих притязаний может выступать самооценка.

Успешность самоутверждения в большей степени связана с удовлетворением потребности человека в оценке его деятельности, поведения, личностных качеств со стороны социальной среды, чем с неудовлетворением названной потребности.

Сказанное позволяет сделать вывод о важности, в интересах управления процессом самоутверждения личности, организации правильной, педагогически обоснованной и целесообразной оценочной деятельности в коллективе, а также формирования правильной самооценки каждой личности.

К числу других рекомендаций по управлению процессом самоутверждения личности в коллективе можно отнести следующие:

- обеспечение правильного, эмоционально положительного отношения индивида к социальной среде, задач деятельности, выполняемым ролям и осуществляемым функциям;
- правильную организацию социальной среды, характера, направленности, широты и интенсивности общения в ней, постепенное расширение сфер общения самоутверждающейся личности от деловой, служебной до личной, досугово-бытовой;
- обучение способам вхождения в коллектив, социальную среду, общению с другими людьми, правильному реагированию на различные воздействия коллектива.

Исследование процесса самоутверждения личности позволяет говорить об актуальности данного феномена в интересах повышения эффективности деятельности руководителей коллективов по сплочению последних и решению воспитательных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алексеев М.А.** Социализация и формирование личности // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 15. С. 155–159.
2. **Гаранина О.Д.** От обучения к творчеству: роль философии в образовательном процессе // Международный журнал экспериментального образования. 2018. №. 4. С. 19–24.
3. **Коломиец В.П.** Становление индивидуальности. М.: Изд-во МГУ, 2013. 141 с.
4. **Мудрик А.В.** Социализация человека. М.: Академия, 2014. 304 с.
5. **Неведомская Т.Д.** Особенности социализации личности в современных условиях // Инновации в гражданской авиации. 2018. Т. 3, № 1. С. 32–42.

6. Психология развития. Словарь / под. ред. А.Л. Венгера // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2006. 176 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Неведомская Татьяна Денисовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Московского государственного технического университета гражданской авиации (МГТУ ГА).
E-mail: tatneved@yandex.ru.

NEW PARADIGM OF EDUCATION: THE WAY TO SELF-AFFIRMATION OF A PERSONALITY

Nevedomskaya T.D.

The article substantiates the necessity of a transition to a new paradigm of education, focused on the development of a creative personality and the formation of human abilities for independent decision-making. The author claims that the new type of education must be formed on the basis of modern social realities and the desire of self-affirmation must be taken into account in a changing, unstable world. The socio-psychological factors and features of a personality's self-affirmation are defined in the article. The forms of relations between a team and a personality are considered; the recommendations for managing the process of a personality's self-affirmation in a team are proposed.

Key words: education, socialization, upbringing, self-affirmation, personality, creative work.

REFERENCES

1. **Alekseev M.A.** *Sotsializatsiya i formirovanie lichnosti* // Kul'tura. Duhovnost'. Obschestvo. 2014. № 15. S. 155–159. (In Russ.).
2. **Garanina O.D.** *Ot obucheniya k tvorchestvu: rol' filosofii v obrazovatel'nom protsesse* // Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. 2018. № 4. S. 19–24. (In Russ.).
3. **Kolomiets V.P.** Stanovlenie individual'nosti. M.: Izd-vo MGU, 2013. 141 s. (In Russ.).
4. **Mudrik A.V.** *Sotsializatsiya cheloveka*. M.: Akademiya, 2014. 304 s. (In Russ.).
5. **Nevedomskaya T.D.** *Osobennosti sotsializatsii lichnosti v sovremennyh usloviyah* // Innovatsii v grazhdanskoy aviatsii. 2018. T. 3, № 1. S. 32–42. (In Russ.).
6. *Psikhologiya razvitiya. Slovar'* / pod. red. A.L. Vengera // Psikhologicheskiy leksikon. Entsiklopedicheskiy slovar' v shesti tomah / Red.-sost. L.A. Karpenko; pod obsch. red. A.V. Petrovskogo. M.: PER SE, 2006. 176 s. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nevedomskaya Tatiana Denisovna, Senior Lecturer of the Foreign Languages Chair, Moscow State Technical University of Civil Aviation (MSTUCA). E-mail: tatneved@yandex.ru.

Электронное издание

ИННОВАЦИИ
В ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ
INNOVATIONS IN CIVIL AVIATION

Подписано в печать 13.12.2018 г.
Печать цифровая Формат 60×90/8
9 усл.п.л. Заказ № 45

Московский государственный технический университет ГА
125993, Москва, Кронштадтский бульвар, д. 20

Редакционно-издательская подготовка
индивидуальный предприниматель Матюшина А.А.
119602, Москва, ул. Введенского, д. 32, кв. 51